

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

митрополит Владимир (Иким)

**Слова в дни памяти особо чтимых
святых. Книга третья. Июль**

«Сибирская Благовонница»

2019

УДК 242
ББК 86.372-43

(Иким) м.

Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга третья. Июль / м. (Иким) — «Сибирская Благовонница», 2019

ISBN 978-5-00127-077-5

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга третья» представляет собой сборник из 26 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных памяти отдельных святых Вселенской Церкви и Русской Церкви, соборам, а также отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т. п.), охватывая месяц июль. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого православного читателя.

УДК 242
ББК 86.372-43

ISBN 978-5-00127-077-5

© (Иким) м., 2019
© Сибирская Благовонница, 2019

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	6
Слово в день памяти свитого апостола Иуды Иаковлева	8
Слово в день памяти святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси	16
Слово в день памяти святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского	23
Слово на обретение мощей преподобного Максима Грека	30
Слово на Собор Владимирских святых	40
Слово в день памяти святых благоверных князя Петра (в иночестве Давида) и княгини Февронии (в иночестве Евфросинии), Муромских чудотворцев	46
Слово на обретение мощей преподобного Амвросия Оптинского	54
Слово в день памяти преподобных Сергии и Германа, Валаамских чудотворцев	61
Слово на Собор славных и всехвальных двенадцати апостолов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Митрополит Омский и
Таврический Владимир (Иким)
Слова в дни памяти особо чтимых
святых. Книга третья: июль**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИСР19-819-0714

ОТ РЕДАКЦИИ

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Эти Слова являются своего рода логичным продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толковались литургические Евангельские и Апостольские чтения на весь богослужебный год.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божиих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых». Всей своей книгой митрополит Владимир побуждает нас интересоваться и изучать жизнь святых угодников Божиих. Святитель Иоанн Шанхайский, коего память мы празднуем в этом месяце, писал о значении почитания русских святых: «Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира» (с. 50). Но просто знать жития святых для православного христианина недостаточно. Им следует подражать в своей жизни, к ним следует молитвенно обращаться за помощью в вопросах спасения, да и в вопросах житейских.

По словам митрополита Владимира: «Ведь лучший способ почитания святых, как известно, подражать их праведной жизни... [поэтому их жития] – не просто древняя история Церкви, но руководство к действию. Конечно, далеко не каждый из нас богослов, священник или епископ, не каждому доведется участвовать и в Соборе – даже Поместном, не говоря уже о Вселенском. Но ведь главное – не то, в чем святые принимали участие, а то, как они жили. А жизнь их представляет нам замечательные примеры верности Христу и Его учению, несмотря ни на какие испытания, примеры искренней и деятельной любви к Богу и ближним, примеры удивительного смирения и готовности всегда и во всем следовать воле Божией, даже если она идет вразрез с собственными планами и желаниями человека... Будем же и мы подражать в этих добродетелях святым отцам... будем изучать свою веру, ценой многих трудов и лишений сохраненную ими для нас, будем молиться Богу об укреплении и вразумлении на этом благословенном пути». И «главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться, например, у святителя Иова Московского? Конечно, его верности Господу, его вере, его мужеству в отстаивании этой веры и в защите родной страны, его смирению и любви к людям» (с. 38). Жизнь святых – «замечательный пример того, что служить Господу и Его народу можно в любые времена и в любом месте, куда ни будет Ему угодно поставить человека, – лишь бы только сам человек всей душой стремился к этому служению и со смирением принимал волю Божию о себе» (с. 41–42).

О жизни святых автор говорит просто, но ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужебной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди, и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово в день памяти свитого апостола Иуды Иаковлева (19 июня / 2 июля)

*Сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа
нашего Иисуса Христа, для вечной жизни.*

Иуд. 1,21

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Братом Господним называет Священное Предание апостола Иуду Иаковлева. Но сам он именовал себя только – *раб Иисуса Христа* (Иуд. 1, 1). Святой Иуда-Леввей был из одной семьи с Господом Иисусом, но считал себя недостойным, утратившим право на это родство. Однажды, еще в юные годы, ему не достало братской любви, и этот грех пятнал его прошлое, вновь и вновь обжигая его сердце стыдом. Некогда он сам отказался признать Христа своим братом, а впоследствии был счастлив назваться Его рабом.

Сыновьям праведного Иосифа Обручника было трудно смириться с тем, что их престарелый отец привел в дом Деву Марию. Это казалось оскорблением памяти их покойной матери Соломонии (Саломии). К тому же соседи посмеивались над почтенным старцем, который обзавелся молодой женой. Разумеется, о священном смысле происходившего никто из сыновей Иосифа не подозревал. Потом родился Младенец Иисус, и начались злключения – праведный Иосиф с Девой Марией должны были бежать в египетскую землю от гнева царя Ирода.

Когда Святое семейство вернулось из Египта, праведный Иосиф затеял раздел принадлежавших ему земель между сыновьями. Маленькому Иисусу и Его Матери он тоже хотел выделить земельный участок, но остальные возмутились: хозяйская жадность к земле уже проснулась в этих юношах. По закону Иисус не имел права участвовать в наследовании, и братья заявили: «Нет Ему доли в нашем уделе!» Едва ли не громче всех звучал голос Иуды, самого сильного и решительного из братьев.

Конец семейной сцене положил старший брат, святой Иаков, брат Господень. Он был истинно справедлив и понимал, что милость выше закона. Иаков сказал, что с радостью примет

Иисуса и Его Мать в совместное владение своей долей наследства. Этим остались довольны все, а в час торжества Христова братолюбивый Иаков получил право на преславное имя брата Господня по плоти.

Отношение сыновей Иосифа к Матери-Деве и Отроку Иисусу постепенно делалось добрым. Этих Двоих невозможно было не любить – так кротки и смиренны Они были, так прекрасен был исходящий от Них таинственный свет. Впрочем, для сводных братьев общение с Иисусом было привычным и будничным: Он виделся им младшим братишкой, милым и любимым, но совсем обыкновенным. Они стали земледельцами, а Он пошел по стопам приемного отца, освоил плотницкое ремесло: это было вполне в порядке вещей. Поэтому совершенно ошеломительным явилось для них известие, что их тихий Брат проповедует народу, за Ним следуют восхищенные толпы, Он совершает дивные чудеса! Им, видевшим Иисуса каждый день и не замечавшим за Ним ничего подобного, это казалось невероятным. Они усомнились, они решили: здесь что-то не так. *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем* (Мк. 6, 4), – говорит Христос. Так и сводные братья Господни до поры не веровали в Него (Ин. 7, 5).

Однако земная родственная любовь была достаточно сильна в них. Услышав, что фарисеи составляют против Иисуса заговор, вместе с Пречистой Девой сыновья Иосифа поспешили туда, где Он проповедовал. Они хотели увести Его домой, защитить, дать Ему отдохнуть. Но ответом на их неразумную заботу была строгая отповедь, данная Христом Спасителем: *кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать* (Мф. 12,48–50).

Пресвятая Дева-Мать поняла урок, данный Ее Божественным Сыном тем, кто пытался помешать Его миссии спасения человечества, а сводные братья почувствовали себя обиженными. Эта обида прорвалась впоследствии в продиктованных маловерием словах:

Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным; если Ты творишь такие дела, то яви себя миру... На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время; вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы (Ин. 7,4–7).

Когда Иисус, сопровождаемый неверием, пришел наконец в родной Назарет, Он не совершил там никаких чудес. Вместо того Спаситель вошел в синагогу и перед всеми исповедал Себя Мессией, посланным от Бога *исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам – открытие темницы* (Ис. 61, 1). В ответ земляки потребовали от Него таких же знамений, какие Он являл в других городах. Иисус отказал: *истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве* (Лк. 4,24). Тогда местные законники, невольно подтверждая эти слова Христа, пришли в ярость и вытолкали Его из синагоги. Затем разъяренная толпа начала теснить Иисуса к крутому обрыву, намереваясь сбросить Его вниз. Среди присутствовавших в синагоге был Иуда, сводный брат Христов. Поняв фарисейский замысел, он бросился расталкивать толпу, чтобы предупредить Иисуса об опасности. Он не успел, да и помощь его оказалась ненужной. На краю пропасти Христос внезапно остановился и властным взглядом отбросил прочь наседавших на Него убийц, потом, *прошед посреди них, удалился* (Лк. 4,30). Иисус уходил по дороге, ведущей в город Капернаум. Движимый неясным ему самому чувством, Иуда поспешил вслед своему таинственному Брату.

В Капернауме понял Иуда, кто Тот, Кого он раньше считал просто младшим братом, с Кем раньше небрежно здоровался каждый день, Кому он когда-то отказал в жалком клочке земли. В капернаумской синагоге дивился Иуда вместе со всеми учению Иисуса, *ибо слово Его было со властью* (Лк. 4, 32). Вместе со всеми видел Иуда, как исцеляет Спаситель больных и бесноватых, и даже бесы, покидая людей, кричат Ему: *Ты Христос, Сын Божий* (Лк. 4,41). Иуда понял, что жил долгие годы рядом с Божественным Мессией и не только не умел служить

Ему, но и оскорбил Его в дни своей юности. За Христом следовало множество самых разных людей: и охочих до зрелищ зевак, и ищущих исцеления больных, и немного истинных последователей, жаждавших правды Божией. Спаситель никого не отгонял от Себя. В этой толпе спешил за Ним и Иуда – уже не как брат, а как раб, смиренный и кающийся, готовый к любому служению.

И наступил час избрания и призвания. Из множества народа Спаситель привлек к Себе ближайших учеников – тех, кому предстояло просветить весь мир Истиной Христовой. Уже прозвучало десять имен, а потом – неожиданной сладчайшей радостью коснулся слуха одиннадцатого избранника зов Господень: *«Иуда, сын Иосифов!»*

Как ликовал святой Иуда в этот миг! Господь Иисус простил его – и за тот давний грех, когда слепая корысть заглушала в нем братские чувства, и за высокомерную небрежность старшего брата, и за совсем еще недавнее неверие в Божественное достоинство Христа. Не первым призвал и не самым близким к Себе сделал Иисус Своего сводного брата: его превосходили сильнейшие духом апостолы Петр, Иоанн и Иаков Зеведеевы. Господь чужд лицепрятия: в числе двенадцати избрал Он Иуду вовсе не как родственника, а как человека, способного к благовестническому служению.

Святой Иуда не завидовал другим апостолам: он считал себя самым недостойным, возвышенным до избранничества только милостью Всепрощающего Господа. Выжигая из себя былые пороки: корыстолюбие, тщеславие, маловерие, недостаток любви, – он всем сердцем устремлялся ко Христу Спасителю. Эта искренность чувства была замечена в апостольском кругу, и святой Иуда получил прозвание Фаддей, или Леввей, что значит: человек сердца.

При всем этом святой Иуда еще оставался в плену иудейских представлений о роли Мессии, думая, что Иисус создаст земное всемирное Царство. Спаситель возвещал Своим ученикам о Своем единстве с Небесным Отцом, говоря: *«Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить... Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам»* (Ин. 14, 19, 21). Святой Иуда-Леввей дерзнул спросить: *«Господи! Что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?»* (Ин. 14, 22). Апостол еще не понимал, что Царство Божие не собирается силой властвовать над миром, – оно приходит в сердца любящих и ведет их к вечному небу.

Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 23, 27).

То же имя, что и сводный брат Господа, носил еще один ученик – Иуда Искариот. Он был слишком привержен к земным благам и также верил в земное могущество Мессии-Христа. Убедившись, что Спаситель не обещает ни того ни другого, он совершил страшное – предал Божественного Учителя. Потом этот несчастный не вынес тяжести собственного преступления, впал в отчаяние и удавился. Чтобы с Иудой-предателем не путали святого Иуду, брата Господня, святые Евангелисты именуют его Фаддеем или Леввеем.

Человек сердца, святой Иуда-Леввей устоял в любви Господней. После Воскресения и Вознесения Христова он вместе со всеми апостолами сподобился сошествия Святого Духа Утешителя, укрепившего их для великих деяний.

Апостол Иуда проповедовал святую веру в Палестине и Аравии, затем проследовал в Месопотамию, в Персию. Это был край самого изощренного и темного язычества, знаменитых халдейских и персидских магов. Еще во времена вавилонского пленения иудеев халдеи начали совращать их своим тайным знанием – так возникла иудейская каббала. Теперь из того же древнего чернокнижия служители тьмы извлекали оружие против истины Христовой – гностические ереси. С коварными влияниями гносиса столкнулся апостол Иуда во время путешествий по странам Востока.

Гносис представлял собой как бы древний гиперэкуменизм: попытку заразить христианство языческими мудрованиями, включить его в ряд ложных культов, отравить чистую истину колдовской ложью. Гностики были полупоэты-полуфилософы. Они претендовали на некое ведение, якобы высшее в сравнении с Христовым Благовестием. Умственным блудом они заражали своих последователей: рассуждали о «происхождении небесных сфер», «духовных мирах эонов», «тайнах ангельского служения», в своих вымыслах смешивая христианское учение с разнообразной бесовщиной и богохульством. Преисподнее происхождение гнозиса вполне обнаруживалось тем, что «высокое чистое знание» гностиков сочеталось с нравственной грязью и мерзостью. Духовную свободу, дарованную Христом Искупителем, еретики кощунственно толковали как безразличие к любому греху, как вседозволенность. Еретики поощряли разврат как способ ослабления плоти для освобождения духа. Это был смрадный дух языческих мистерий и оргий. Умственный блуд приводил к блуду физическому. При этом гностики дерзали называть себя христианами, причем более посвященными, чем обычные простецы. Об этих лукавых еретиках апостол Иуда пишет: *А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя* (Иуд. 1, 10).

Яд гностической лжи широко разливался по миру. Соблазн тайного знания действовал и на охочих до философствований греков, и на склонных к мудрованиям иудейских книжников. Даваемое еретиками «разрешение на все» соблазняло плотоугодников, которым казались тяжелы высочайшие нравственные требования учения Христа Спасителя. Святой Иуда-Леввей счел своим долгом предостеречь верных от еретической пагубы. Из Персии он направил свое Соборное Послание – краткое, но исполненное благодатной силы, разоблачающее ложь и развенчивающее ее приверженцев.

Возлюбленные!., я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым, – обращается апостол к христианам, предупреждая об опасности. – *Ибо вкрались некоторые люди... нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающие единого Владыку Бога и Господа нашего Иисуса Христа* (Иуд. 1,3–4).

Еретики отвержены от Христа Господа, так как обманывают людей, учат не тому, чему учил Спаситель, и дерзают нарушать святые Его заповеди, прикрываясь словами апостола Павла о христианской свободе (1 Кор. 8, 9; 2 Кор. 3, 17). Свобода дарована людям их Спасителем не для того, чтобы они еще глубже погружались в греховную скверну, а для подлинного духовного совершенствования во Христе. Христос освободил человечество от рабства греху и диаволу, от рабства ветхозаветному Закону, мелочно и страхом удерживавшему человека от греха, но не для разнузданости. Безгрешный Иисус требует от Своих последователей чистоты не только дел (что требовалось от ветхозаветного иудея), но и помыслов. Осквернивший себя нечистыми поступками не может быть живым храмом Пречистого Божества, как к тому он призван, по словам апостола Павла: *Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом* (2 Кор. 6, 16). Не имея страха Господня, нечестивцы являются на христианские вечера любви, своим бесстыдным поведением сеют соблазн среди верующих, кощунственно насмеваются над Божественными Таинствами и над Церковью, считая их уделом низших – душевных, в то время как себя считая высшими – духовными людьми, кичась «знанием».

Напрасно эти суетудры надеются избежать ответа за свои непотребства. Правосудный Бог низверг в вечный мрак изменивших Ему ангелов, огнем и серой затопил развратные города Содом и Гоморру, предал гибели в пустыне неверных иудеев. И апостол говорит о еретиках: *Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей* (Иуд. 1,11).

Напрасно гностики пытаются судить вкривь и вкось об Ангелах Божиих, выстраивая свои громоздкие умствования. При этом они оказываются своего рода религиозными революционе-

рами, выступая против властей и тем навлекая гнев язычников на настоящих христиан, радеющих о собственном спасении: *Казнь огня вечного ожидает мечтателей, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти* (Иуд. 1, 7–8). Напрасно лжеучители кичатся якобы духовным знанием: их мудрования всего лишь плод падшей душевности: *Это люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа* (Иуд. 1, 19). Им совершенно недоступна истина, даруемая лишь учением Христа и откровениями Святого Духа Божия в Церкви Христовой.

Лжеучителей апостол называет *осеними деревьями, бесплодными, дважды умершими, исторгнутыми* (Иуд. 1, 12). Они не только иссушены холодом собственной лжи, но окончательно умертвили свои души и никогда не могут принести доброго плода. Они подобны *морским волнам, пенящимся срамотами своими* (Иуд. 1, 13), – из взбаламученного рассудка и нечистого сердца они выбрасывают в мир всякую высокопарную глупость и мерзость. Они – как носимые ветром пустые облака, неспособные излиться животворным дождем, и как блуждающие звезды, пропадающие в вечном мраке. Появление таких лжецов предвозвещено Самим Христом и Его Духоносными учениками – и апостол Иуда напоминает: *Но вы, возлюбленные, помните предсказанное апостолами Господа нашего Иисуса Христа: они говорили вам, что в последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям... А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей... сохраняйте себя в любви Божией* (Иуд. 1, 17–18, 20).

Но как же быть с еретиками? Святой апостол учит различать среди них заблудших – соблазнившихся по невежеству, еще могущих покаяться и обратиться к Христовой истине. Таких еще можно вернуть в лоно Христовой Церкви вразумлением и страхом адского пламени, в которое приводят кривые еретические пути: *И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня* (Иуд. 1, 22–23). Но борьба с дьявольской ложью требует от самих верных осторожности. Ересь опаснее чумной заразы, соприкосновением с ее носителем можно осквернить собственную душу. И если пространство вокруг святых людей наполнено Ангелами Божиими, то вокруг лжеучителей наполнен бесами, ибо все вокруг себя они отравляют нравственной скверной. И апостол предупреждает: *...обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотию* (Иуд. 1, 23).

В первые столетия христианства Святая Церковь повсеместно одержала победу над гнозисом. Потом сатанистская ложь тлела подспудно, чтобы затопить смрадным потоком ересей средневековую Европу.

Общим корнем всех этих агрессивных сект видится учение катаров – «чистых», как они себя называли. Странная это была чистота. Даже прикасаться к оружию считалось осквернением, но одновременно боевики-катарелли разрушали храмы, грабили, убивали. Практиковалась «эндура» – ритуальное самоубийство больных и стариков. Объявлялось мерзостью законное супружество – зато приветствовалась свободная любовь, внебрачные связи, свальный блуд. Одна из еретических общин, секта анабаптистов, ввела многоженство; их вожаки насилием брали женщин в свои гаремы, отказавшихся ждала казнь. Из-за войн, которые вели еретики, страны Европы десятилетиями были затопляемы кровью. Такова была «чистота» катаров. При этом, подобно древним гностикам, все эти богомилы и альбигойцы, адамиты и анабаптисты и прочие хвастались обладанием «тайным мистическим знанием», якобы превосходящим учение Святой Церкви. До сути этой «мистики» дошли секты «братьев свободного духа» и «апостольских братьев», начавших откровенно поклоняться Люциферу. Так опять сбывалось апостольское предсказание о *ропотниках, ничем не довольных, поступающих по своим похотям (нечестиво и незаконно)* (Иуд. 1, 16).

Среди духовной смуты конца XIX – начала XX века часть российской интеллигенции занялась богоискательством. Участники религиозно-философских собраний кричали об отсталости и омертвлении Православной Церкви и одновременно обращались к источникам ложной

и чуждой духовности: оккультизму, теософии, антропософии (из тех же преисподних колодез почерпнуто модное в недавние дни рерихианство). И здесь также примешивалась нравственная грязь – Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Розанов мудрствовали о святой плоти, пытаясь дать философско-мистическое обоснование пошлейшему разврату.

Другое крыло той же интеллигенции рассуждало о социальной справедливости, подстрекая народ к революционному братоубийству (средневековые еретики, кстати, тоже звали к «всеобщему равенству и раю на земле»). Эти справедливы хулили Русскую Церковь, называя ее оплотом проклятого самодержавия. Суемудры накликали бурю на свою родину и на собственные головы. Богоборческая революция уничтожила или вышвырнула в эмиграцию большинство интеллигенции, страшно истерзала Россию и на семьдесят лет погрузила ее в мрак бездуховности. Но в те же годы якобы омертвевшая Русская Православная Церковь просияла верностью Христу Спасителю – в Небесное Царство вознеслось созвездие Российских новомучеников за святую веру. Страдание нашего Отечества – плод деятельности все тех же мудрствующих, *отвергающихся Единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа* (Иуд. 1,4), от которых предостерегал апостол Иуда-Леввей.

И в 90-е годы прошлого века в духовно обескровленную Россию ринулись разнообразные еретические секты. И у многих из них «мистическое знание» было смешано с нравственной грязью. Таковы ревнители многоженства мормоны. От средневековых катаров-богомиллов отпочковалось дикое «Белое братство». Лжепророку Муну врачи-психиатры поставили диагноз: сексуальный маньяк. У более «тонких» еретических группировок сладкими словами о христианской любви тоже прикрывается сатанистская ложь.

Их цель – разрушить Русскую Православную Церковь, лишить души русских людей вечного спасения. Как огня вечного, надобно нам остерегаться увлечения всякими «тайными и высшими знаниями», ибо за ними – сатанинские бездны. Не имеющим достаточного духовного опыта не следует вступать не только в пререкания, но и в любое общение с носителями демонской прелести, по совету апостольскому гнушаясь даже их одеждой (Иуд. 1, 23). Попытки обратиться на путь истины закоренелых еретиков обычно не только бесплодны, но и могут осквернить душу и ум тех, кто вступает с ними в спор. Всякая логика бессильна против бесовского упрямства. По слову святых отцов, обращение находящихся в прелести возможно только при особой милости Божией, благодатным вмешательством Самого Всевышнего. Нам же дарована ясная и чистая Христова истина, которую со времен апостольских свято берегла для нас Православная Церковь. Мы должны беречь как зеницу ока спасительное сокровище Православия. По слову апостольскому, мы призваны *подвизаться за веру, однажды преданную святым* (Иуд. 1,3).

Но случается, что даже среди тех, кто считает себя православными, распространяется душепагубное поветрие радостной вседозволенности. Это дух протестантской ереси, а отнюдь не Православия. Отступники убаюкивают человеческое сознание сказками про «доброе всепрощающего Боженку», Который конечно не станет наказывать грешников, ибо Ему не свойственна мстительность. Но они забывают, что Бог настолько уважает человеческую свободу, что не покушается на то, чтобы заставить человека быть добрым. Но совершающие грех сами себя отчуждают в вечной жизни от Бога и тем подпадают под действие правосудия Божия. Христос Господь пришел призвать грешников к покаянию и исправлению, а отнюдь не поощрять греховные мерзости. Горе тем, *кто разрешает себе все* и тем оскорбляет Пречистого Спасителя! Мы должны исполнять заповеди Христа и Святой Церкви Его. А ведь немало таких, которые редко посещают храмы, не держат постов, некоторые даже блуд считают мелким, простительным грешком. Такое легкомыслие оборачивается духовным самоубийством. Поступающим нечестиво и незаконно *блудится мрак тьмы на веки* (Иуд. 1, 13), – говорит апостол.

Соборное Послание апостола Иуды, вошедшее в канон Нового Завета, на все времена остается духовным оружием против тех, кому хотелось бы исказить или «облегчить» христианство. Это – грозное предостережение тем, кто предается умственному блуду и ходит вслед

собственных похотей. А верных, хранящих себя в чистоте от еретических мудрований и греховных соблазнов, на все века благословляет святой апостол: *милость вам и мир и любовь да умножатся* (Иуд. 1, 2).

Не дерзая назвать себя *братом Господним по плоти, раб Иисуса Христа* апостол Иуда-Леввей ссылается на родство с тем, кто с юности сохранил право на это высочайшее звание. Он именует себя *братом Иакова* — того из сыновей праведного Иосифа Обручника, который некогда с братской любовью разделил свою землю с Отроком Иисусом, а потом прославился столь безукоризненным житием, что его почитали за праведника не только христиане, но и закосневшие в обрядовости Ветхого Завета иудеи. *Брат Господень* святой Иаков был епископом Иерусалимской Церкви; христоненавистники-фарисеи зверски убили праведника, сбросив его с крыши храма, когда он исповедовал Христа истинным Мессией и Сыном Божиим. Преемником праведного Иакова в возглавлении иерусалимских христиан стал его младший брат — апостол Иуда Иаковлев (то есть брат Иакова), как он назвал себя сам (Иуд. 1,1) и как именует его один из святых Евангелистов (Мк. 6, 3).

Над Иерусалимом сбылось пророчество Господа Иисуса: город богоубийц-фарисеев был захвачен и опустошен римлянами, разрушен знаменитый храм Соломонов, которым законники так гордились. И само это место было вспахано, так что от покинутой Богом древней святыни не осталось камня на камне. Видимо, в это время святой Иуда-Леввей покинул разгромленный Иерусалим и вновь отправился проповедовать слово Божие дальним народам. Этот великий духом *раб Иисуса Христа* засвидетельствовал свою верность Господу мученической кончиной. В Армении, у подножия гор Араратских, апостол был схвачен языческими жрецами, подвергнут жестоким истязаниям, а затем распят на кресте и пронзен стрелами. Так уже не земным, а духовным родством вошел святой Иуда Иаковлев в славу брата Господня. Чистейшая его душа, закаленная апостольскими подвигами, вознеслась в Небесное Царство — в вечноблаженную семью любвеобильного Бога, где Иисус Сладчайший принимает всех святых и верных как братьев в Свои объятия.

И ныне с Горних высот зовет нас брат Господень святой Иуда вступить в счастливейшее небесное братство. И ныне внятн нам его благодатный, спасительный призыв: *Сохраняйте себя в любви Божией* (Иуд. 1,21).

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Святая Церковь воспевает апостола Иуду Иаковлева как *мученика тверда, прелесть поправиша, и веру соблюдиша*. Так да научат нас житие и слово духоносного апостола хранить нерушимо дарованную нам Христову Истину, отметать от себя диавольскую прелесть ересей и нечистых соблазнов. Так да преподаст нам страстотерпец Господень умение мужественно переносить все испытания и страдания, выпадающие нам в земной жизни. Так да примет нас брат Христов в общение с собою, в пресветлую семью *освященных Богом Отцем и сохраненных Иисусом Христом* (Иуд. 1,1).

Великий духом апостол Иуда-Леввей всю жизнь оплакивал совершённый им в юности грех: недостаток любви к своему сводному брату Иисусу. А мы с вами всегда ли проникнуты истинной любовью к своим родным и близким, всегда ли готовы милосердствовать и благотворить им, *носить их немощи*? Увы! Как часто мы осуждаем их и ссоримся с ними, гневаемся даже до ненависти. А ведь в каждом из наших ближних сокрыт образ Христов, за каждого из них пролита Пречистая Кровь Спасителя. Оказывая же ближнему милость и любовь, мы тем угождаем Самому Вселюбящему Господу, а наше немилосердие — это оскорбление любви Христовой. Станем же не судить и законничать, а прощать и благотворить, так да умножится любовь наша взаимная — и умножится к нам любовь Всевышнего.

Высокий путь служения смиренного *раба Иисуса Христа* апостола Иуды Иаковлева привел его в лучезарное Царство бессмертной славы. Ныне, светло празднует память великого

апостола, воспоем вместе с ним в смирении и страхе Божиим: *Могущему... соблюсти нас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости, Единому Премудрому Богу, Спасителю нашему чрез Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всех веков, ныне и во все веки* (Иуд. 1, 24–25).

Аминь.

Слово в день памяти святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси (19 июня / 2 июля)

В годину лютых искушений многострадальному Иову подобяся, в жертву живу и непорочну себе Христу принеся еси, обратив паству к покаянию, терпеливе Иове святителю.

Кондак святителю Иову Московскому

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня мы празднуем память святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси (1525–1607) – первого в истории Патриарха Русской Церкви, верного служителя Христова, защитника Православия, ревностного пастыря, который, подобно своему Господу, «положил душу свою за овец своих» (ср. Ин. 10, 11).

Будущий святитель родился около 1525 года в городе Старица под Тверью и во Святом Крещении получил имя Иоанн. Отец мальчика, хотя и был происхождения незнатного, стремился дать сыну хорошее образование и потому по достижении надлежащего возраста отправил мальчика для книжного обучения в Успенский Старицкий монастырь – в те годы именно монастыри на Руси были главными центрами учености, как духовной, так и светской.

Обучать способного мальчика взялся сам настоятель обители, архимандрит Герман, человек не только умный и образованный, но и добродетельный и духовно опытный. Под его руководством Иоанн изучал Священное Писание и творения святых отцов, причем многие Священные тексты выучил наизусть. «Всю Псалтырь, и Апостол, и Евангелие без книг толкование сказывал и читал», – говорится в его жизнеописании. Впоследствии эти навыки очень пригодились святителю Иову: в глубокой старости, полностью ослепнув, он продолжал служить Литургию по памяти.

Обучался Иоанн и переписыванию книг – в те времена это было настоящим искусством, – а также основам риторики. За всеми этими науками наставник Иоанна архимандрит Герман не забывал и о духовном развитии своего подопечного. Мальчик принимал деятельное участие

в монастырской жизни, учился молиться, пел в монастырском хоре и исполнял обязанности чтеца за богослужениями. Монашеская жизнь и монашеское делание, которые Иоанн в течение нескольких лет непрерывно наблюдал не в качестве паломника, а как бы изнутри, весьма привлекали его, и постепенно в его юной благочестивой душе зародилось и день ото дня крепло желание, подобно братии Успенского монастыря, без остатка посвятить свою жизнь Богу в иноческом образе.

Когда Иоанн окончил обучение и вернулся из монастыря к родителям, он был уже взрослым юношей и окончательно решил принять монашество. Однако родители воспротивились этому: разве для того они так старались дать сыну образование, чтобы теперь он оставил все, отказался от возможной карьеры и навсегда ушел в монастырь? Отец решил срочно женить Иоанна, не поинтересовавшись, хочет ли этого он сам. Уже была найдена невеста и назначен день венчания... Но перед самой свадьбой Иоанн отпросился у отца на беседу со своим духовным наставником, архимандритом Германом. А тот, вняв слезным просьбам юноши, тут же на месте постриг его в монахи, сделав для него исключение из строгих иноческих правил о послушническом искусе. Ведь Иоанн уже, по сути, не один год послушничал в этой самой обители, под руководством самого Германа, так что архимандриту были прекрасно известны и состояние его души, и твердость его намерения принять монашество. А в сложившейся ситуации только немедленный постриг мог вывести юношу из-под власти родителей и не дать им сломать сыну – да и его нежеланной невесте – всю оставшуюся жизнь.

Дорогие мои! Эта история – не просто один из эпизодов жития святителя Иова, но и важный урок для всех нас, особенно для тех, кто воспитывает детей. Ведь и в наше время, хотя государственные законы больше не наделяют отца и мать такой практически безграничной властью над взрослыми детьми, как это было во времена святителя, мы все же нередко наблюдаем похожую картину: родители стараются любой ценой настоять на своем, оказывают на свое чадо всяческое давление, пускают в ход все возможные приемы – от бессовестной игры на сыновних или дочерних чувствах (например, шантажа собственным здоровьем, угроз самоубийства) до прямого рукоприкладства. И это касается не только монашеского пострига. Такие же драмы разыгрываются, если родителям по каким-либо причинам не нравится спутник жизни их чада, выбранная им профессия, методы воспитания детей, даже стиль одежды... Поломанные судьбы, подорванное здоровье становятся результатом гордыни родителей, мнящих себя чуть ли не равными Богу, желающих в своем ослеплении быть всегда и во всем единственно правыми!

Стоит вспомнить, что наши дети на самом деле не столько наши, сколько Божии, так же как и мы сами. Господь на некоторое время доверил нам их воспитание, подарив нам, по великому милосердию Своему, удивительную возможность соработничества Ему в процессе создания и формирования нового человека, – но все же настоящим Отцом является только Он. И этот Отец в Своей великой любви дает каждому из Своих детей свободу воли, свободу выбора – так кем же мы мним себя, покушаясь на эту свободу?

Конечно, если наши дети хотят совершить нечто греховное, мы должны постараться удержать их от этого. Но если их выбор в той или иной сфере жизни противоречит не Божиим заповедям, а всего лишь нашим собственным планам, желаниям, вкусам – нужно просто принять его, как выбор взрослого человека, взрослого христианина. Возможно, именно в этом и состоит их истинное призвание, следуя которому они смогут послужить Богу. Посмотрите – юноша Иоанн послушался родителей, но этот его поступок принес добрые плоды, дав миру удивительного подвижника. А что было бы, если бы отцу Иоанна все же удалось бы настоять на своем, удержать сына от ухода в монастырь? Вероятно, и в этом случае Иоанн прожил бы жизнь добродетельную – но вряд ли совершил бы столь же славные дела и сыграл бы столь же великую роль в жизни Церкви и своего отечества...

Итак, Иоанн – теперь уже инок Иов – начал подвизаться в Старицком монастыре уже не как воспитанник и послушник, но как один из братии. Несмотря на молодость, он вскоре весьма преуспел в монашеских подвигах и добродетелях и стяжал всеобщие любовь и уважение. «Во дни же его не обретался человек подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни поступью, ни вопросом, ни ответом... Дарование Божие бысть ему паче же прочих человек», – вспоминают современники о монахе Иове. Со временем Иов был поставлен настоятелем Старицкой обители, в 1581 году рукоположен в епископский сан на кафедру подмосковного города Коломны, в 1586 году стал архиепископом древнего и славного Ростова Великого, а затем и митрополитом стольного града Москвы, то есть Предстоятелем всей Русской Церкви. Несмотря на столь значительное возвышение, святитель Иов не возгордился, но оставался все таким же, как и в Старицкой обители, смиренным монахом и пастырем, ставящим превыше всего не собственные славу, власть и почет, но истину Христову и благо Церкви и паствы.

На этом смиренном епископе предстояло в полной мере сбыться евангельским словам Самого Господа: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 11). Святителю Иову предстояло стать не только архиепископом и митрополитом, но и первым в истории Патриархом Всероссийским.

В те годы в политической жизни Руси происходили значительные изменения. Умер Грозный царь Иоанн Васильевич, много лет державший в смертном страхе собственную страну, и престол Русского царства занял его сын, совершенно не похожий на жестокого отца, – благочестивый и милостивый Феодор Иоаннович. Некоторые историки пытались представить Феодора «слабоумным». И действительно, на фоне собственного отца, бояр и вообще большинства государственных деятелей своего времени этот царь выглядел весьма странным человеком, «не от мира сего», ибо не желал интриговать, не вел захватнических войн, не стремился по чужим трупам к безграничному росту собственной власти и не стеснялся открыто советоваться по различным вопросам со своими приближенными и даже с собственной женой Ириной. Но если судить не столько по чужим оценкам, сколько по непосредственным поступкам Феодора Иоанновича, естественнее будет предположить, что в его лице Руси посчастливилось увидеть не так уж часто, увы, встречающийся тип правителя – искреннего христианина на троне. Феодор Иоаннович заботился прежде всего о благоденствии своего отечества и об укреплении Церкви. И потому неудивительно, что именно в его царствование был, наконец, поднят давно назревший вопрос о независимости Русской Церкви от Церкви Константинопольской, которая сама находилась под гнетом турецкого султана.

Как известно, со времени Крещения Руси Русская Православная Церковь не была самостоятельной Поместной Церковью, но входила в Константинопольский Патриархат в качестве митрополии. Это было совершенно естественно и закономерно: ведь именно греческие миссионеры, посланцы Константинопольской Церкви, принесли в славянские земли – в том числе и на Русь – свет веры Христовой; греки же, рукоположенные Константинопольским Патриархом, были первыми священниками и епископами Русской земли. Впоследствии, когда на Руси уже выросли первые поколения христиан и появились собственные, русские по крови и воспитанию клирики всех степеней, верховная юрисдикция Константинопольской Церкви все еще сохранялась над Русской Митрополией, хотя к этому времени она и обрела уже значительную долю самостоятельности: чтобы создать подлинно православную традицию и культуру и дать ей прочно укорениться в народной почве, недостаточно двух-трех веков, тем более если речь идет о стране, не имевшей до прихода христианства даже собственной письменности, не говоря уже о развитой духовной культуре, пусть и языческой (как это было, например, в Греции, Риме и Египте). Руси все еще необходимо было верховное руководство более опытной во всех отношениях Церкви.

Но к концу XVI века ситуация была уже во многом иной. Да, русская церковная и светская ученость по-прежнему не шла ни в какое сравнение с греческой, а главным центром пра-

вославленной духовности оставался греческий Афон, а не Киево-Печерская Лавра или московские обители. Но все же, с одной стороны, Русской Церковью уже был накоплен достаточный опыт, чтобы обрести самостоятельность, а с другой – как уже говорилось, сама Церковь Константинопольская, увы, не могла больше называться полностью независимой. За век до описываемых нами событий, в 1453 году, Константинополь вместе с остатками Византийской империи подпал под власть иноверцев-османов, и хотя Православной Церкви султаном Мехметом Завоевателем были дарованы значительные преимущества и полномочия, все же Патриархи Константинопольские с этих пор во многом зависели от мусульманских правителей Османской империи. Ведь в случае неповиновения султану гибель грозила не только лично Патриарху, но и значительному числу его единоверцев и соплеменников. А через Патриарха как главу Поместной Церкви османские султаны могли влиять и на подчиненные Константинополю митрополии, в том числе и те, что находились за пределами владений османов, – например, на Русскую Митрополию.

Конечно, подобная ситуация была ненормальной и недопустимой. Вероятно, она давно была бы решена – если бы русские правители меньше внимания уделяли собственной власти и больше – благу страны и Церкви. Но, увы, великий князь Московский Василий III был слишком озабочен отсутствием у него наследника и ради этого готов был даже пойти на разрыв с Православной Церковью, запрещающей расторжение законного венчанного брака по причине бесплодия супруги, – а потому и не был особенно заинтересован в укреплении позиций и расширении полномочий митрополита Московского и всея Руси. Родившийся же в результате наследник, Иоанн Васильевич Грозный, обаянный гордыней и жестокостью, ставил самого себя превыше всех и вся и стремился не возвысить Московского митрополита, а, напротив, подчинить Русскую Церковь своей власти, свидетельством чему являются печальные истории убийства священномучеников Германа Казанского и Филиппа Московского. Поэтому окончательно решить проблему зависимости Русской Церкви предстояло благочестивому царю Федору Иоанновичу.

Обсуждение этой проблемы началось в 1586 году, когда на Русь прибыл с визитом Патриарх Антиохийский Иоаким VI, и достигло своего апогея в 1588 году, когда Москву посетил Патриарх Константинопольский Иеремия II. После долгих и трудных переговоров Патриарх, наконец, согласился с доводами царя, его окружения и русских иерархов о том, что Руси необходимо иметь своего Патриарха – Всероссийского. На эту высокую должность единодушно был избран смиренный Московский митрополит – святитель Иов. И вот 26 января 1589 года в Успенском соборе Московского Кремля Патриарх Иеремия и русские иерархи совершили торжественный чин возведения святителя Иова на престол Патриарха Московского. А вернувшись в Константинополь, Патриарх Иеремия созвал Собор восточных иерархов, который одобрил учреждение Патриаршества на Руси и окончательно утвердил патриаршее достоинство за предстоятелями Русской Церкви.

Патриаршее служение святитель Иов исполнял с теми же усердием, любовью и смирением, как и прежде. Он неустанно заботился об укреплении веры в своей пастве, о поднятии нравственности в среде духовенства, о духовном просвещении русского народа: при нем были отпечатаны во множестве экземпляров и широко распространены по всей Руси Священное Писание, творения святых отцов и богослужебные книги, причем в последние было внесено немало исправлений в соответствии с греческими и древнерусскими подлинниками, в тексты которых за столетия неоднократного переписывания от руки вкралось множество описок и ошибок, искажавших смысл и затруднявших понимание.

К концу XVI века Россия окончательно утвердила свое господство над сибирскими землями, и Патриарх Иов употребил немало усилий для подготовки пастырей-миссионеров, которые могли бы проповедовать веру Христову сибирским народам. Его трудами множество инородцев-иноверцев обратилось ко Христу.

Удивительно, но за многочисленными патриаршими заботами святитель Иов не оставлял и усердного иноческого делания. Занимая высокое положение, по сути равное царскому, он и в патриарших палатах оставался все тем же смиренным и нестяжательным монахом, каким был некогда в Старицком монастыре. «Постник всегда был, николиже не имея гортани своей никакого покоя ни в брашнах, ни в питии. И всегда алчбу и жажду держал волею. И гладей был, а глас его был во обличение питающимся и упивающимся... И обычая своего яко в нищете убогого иночества, тако и в величестве, и в богатстве патриаршества никак не изменил», — пишет о нем старинное житие.

Но не долго радовалась Русская земля правлению благочестивого царя Феодора — в 1598 году он скоропостижно скончался, не оставив наследников, и на Руси началось страшное Смутное время, время жестокой борьбы за власть, в ходе которой страна, только что обретшая церковную независимость, едва не утратила независимость государственную, а вместе с ней и саму Православную веру.

Воспользовавшись тем, что ненадолго воцарившийся в Москве боярин Борис Годунов оказался слабым правителем, бедствия страны при нем не уменьшались, а недовольство народа росло, власть на Руси попытались захватить поляки. В 1604 году на западных границах Руси объявился их ставленник, самозванец Лжедмитрий I, выдававший себя за покойного сына Иоанна Грозного — царевича Димитрия, а значит — «законного наследника московского престола». Во главе большого польского войска самозванец двинулся на Москву.

Святитель Иов не мог не понимать, что господство поляков грозит русскому народу не только потерей государственности, но и потерей веры, — поляки стремились насадить на Руси римо-католичество. Не верил он и в то, что самозванец действительно мог быть сыном Грозного. Святой Патриарх неустанно призывал свою паству сопротивляться захватчикам, рассылал по всей стране обличительные грамоты, убеждая народ не верить Лжедмитрию. Самого же Лжедмитрия и его сообщников Иов публично предал анафеме как злодеев и еретиков, замышляющих «церкви Божии разорять, и веру христианскую попать, и учинить в российском государстве во святых Божиих церквах костелы латынские».

И все же самозванцу, после смерти Бориса Годунова, удалось с торжеством войти в столицу, где он незамедлительно принялся насаждать польско-католические порядки. Святитель Иов был одним из немногих, кто отважился открыто противостоять Лжедмитрию, отказался присягать ему на верность и обличал его как самозванца и узурпатора. Конечно, подобного поведения предстоятеля Русской Церкви Лжедмитрий стерпеть не мог. Однажды во время Литургии в Успенском соборе, которую совершал сам Патриарх, в храм ворвались сторонники самозванца, сорвали со святителя облачение и с побоями и издевательствами вытащили из храма. Смерти святителю удалось избежать лишь чудом: большинство погромщиков, не обращая внимания на избитого старца, убежали грабить патриаршие палаты, где якобы хранились «несметные сокровища», хотя на самом деле Патриарх Иов не имел практически никакого имущества. Святителя же на простой телеге, в рубище отослали в Старицкий Успенский монастырь, объявив его низложенным и лишенным сана.

Но дух святителя сломить не удалось. Он был смирен, но отнюдь не слаб и безволен; ведь истинное смирение — не какая-то безвольная пассивность, за которую его многие ошибочно принимают, а поставление Бога в центр своей жизни и безграничное упование на Него. Благодаря этому смирение не есть слабость, но, наоборот, подлинная сила, подлинный внутренний стержень, сломать который невозможно. Святитель и в монастыре — по сути, в заточении — продолжал выражать открытое неповиновение узурпатору.

Вероятнее всего, святителя Иова ждала та же участь, что и несколькими десятилетиями ранее — опального митрополита Московского Филиппа (Колычева), убитого в своей келье-камере приспешниками Грозного. Но самозванец не успел расправиться с непокорным святителем — в 1606 году Лжедмитрий был свергнут и убит, а в Москве воцарился потомок Рюрико-

вичей, князь Василий Шуйский. Московские бояре и иерархи Русской Церкви молили святителя Иова возвратиться на оставленную не по своей воле кафедру и венчать на царство нового государя. Но святой старец за время своего заключения полностью ослеп, здоровье его после нанесенных слугами самозванца побоев так и не восстановилось, и он предпочел уйти на покой все в том же Старицком монастыре, где некогда начинал свой иноческий путь. Занять Патриарший престол святитель благословил митрополита Казанского Гермогена, которому также впоследствии предстояло сыграть великую роль в истории Церкви и отечества, мученически пострадать и быть прославленным в лике святых. Сам же святитель Иов, первый Патриарх Российский, мирно отошел ко Господу в 1607 году.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Лучший способ почитания святых – подражать их жизни. Конечно, не каждый из нас может стать епископом, не каждый может и приобрести такой всенародный авторитет и сыграть такую роль в истории родной страны, как это сделал святитель Иов. Но главное – подражать не внешней, а внутренней сути подвига святых угодников. Чему можем мы, простые люди, поучиться у святителя Иова Московского? Конечно, его верности Господу, его вере, его мужеству в отстаивании этой веры и в защите родной страны, его смирению и любви к людям.

И вот еще какой важный урок нам преподает житие святителя. В наше время вновь обрела популярность идея «Москва – Третий Рим», которая бурно обсуждалась в Патриаршество святителя Иова. Однако нынешние сторонники этой идеи нередко основывают на ней чуждые Евангельскому духу утверждения о превосходстве русского народа над всеми остальными народами, об исключительной святости Русской Церкви в сравнении с остальными Церквями – вплоть до того, что русский и славянский переводы Священного Писания объявляются «более точными», чем оригинал! Подобные нелепые утверждения мы сейчас разбирать не будем, их глупость очевидна; но задумаемся вот о чем: а можем ли мы в действительности назвать современную нам Москву и себя самих, как членов Русской Православной Церкви, Третьим Римом, оплотом православной духовности? Послушаем, что говорит о Москве – Третьем Риме сам святитель Иов Московский в письме к Патриарху Константинопольскому: «В царствующем граде Москве и во всех его великих государствах российского царствия Христовою благодатью святая наша христианская вера яко солнце под небом сияет, и благочестивые лучи во всю вселенную испускает, и неверующих души просвещает, и от тьмы на свет обращает». Можем ли мы сказать это о сегодняшней России – стране, где едва лишь пять процентов населения регулярно посещают православные богослужения и участвуют в Таинствах, а остальные находятся – и часто вполне сознательно, по собственному выбору, в отличие от наших далеких языческих предков, – в погибельной тьме оккультизма, атеизма и просто равнодушия ко всему? Да и мы, те самые пять процентов, – всегда ли мы достойны имени христиан, всегда ли «испускаем благочестивые лучи» веры Христовой, просвещающие мир вокруг нас? И есть ли в таком случае у нас хотя бы повод – не говоря уже об оправдании – для гордости и превозношения над прочими народами?

Задумаемся об этом – и будем, подражая смиренному Патриарху Иову, не гордиться, но с христианским усердием и упованием на Господа постепенно преображать самих себя и мир вокруг нас, чтобы отечество наше в действительности стало таким, каким хотел бы его видеть первый Всероссийский Патриарх. Будем просить у Господа укрепления на этом нелегком, но благодатном пути, будем испрашивать и молитв самого святителя Иова, восклицая:

«Да торжествует Церковь Христова и да радуется град Москва, яко возсия светильник земли Российский, во исповедании истины непоколебимый Иов Патриарх, его же молитвами, Господи, вся соблазны мира сего и ереси искорени, люди во благочестии настави и утверди в Православии».

Богу же нашему слава во веки веков.

Аминь.

**Слово в день памяти святителя
Иоанна (Максимовича), архиепископа
Шанхайского и Сан-Францисского
(19 июня / 2 июля)**

Попечение твое о пастве в странствии ея, се прообраз и молитв твоих, за мир весь присно возносимых: тако веруем, познав любовь твою, святителю и чудотворце Иоанне.

Тропарь святителю Иоанну Шанхайскому

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь празднует память святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского (1896–1966). Его жизнь – замечательный пример того, что служить Господу и Его народу можно в любые времена и в любом месте, куда ни будет Ему угодно поставить человека, – лишь бы только сам человек всей душой стремился к этому служению и со смирением принимал волю Божию о себе.

Многим, я думаю, знакома поговорка «Где родился, там и пригодился». Пользуются ею обычно тогда, когда хотят сказать, что, мол, нечего пытаться менять свою жизнь, переезжать в другой город, область и уж тем более – в другую страну; где родился, там и живи, выбор уже сделан за тебя родителями.

Конечно, в те далекие времена, когда люди передвигались в лучшем случае на лошадях, а большинство и просто пешком, подобная поговорка часто действительно была справедливой. Ведь путешествие, а тем более переселение в те времена были сопряжены с огромным количеством трудностей и опасностей; те же, кому удавалось счастливо преодолеть все эти опасности и трудности, зачастую теряли все связи с родными, оставшимися на прежнем месте жительства, потому что ни телефона, ни интернета еще не существовало, а письмо из далеких краев могло идти не один месяц и даже не один год (если вообще не терялось в таком дальнем пути), да многие и не умели ни читать, ни писать... Конечно, в таких условиях куда проще и безопаснее было строить жизнь именно там, где родился. Впрочем, и в те времена многими

великими открытиями и вообще свершениями человечество было обязано тем немногим, кто отваживался вопреки поговорке отправиться в чужие края. Разве смогла бы, к примеру, Россия «прирастать Сибирью», если бы казаки Ермака Тимофеевича, Семен Дежнев и прочие первопроходцы предпочли безопасную жизнь на родине дальним странствиям? Разве получила бы наша страна великого ученого Ломоносова, если бы однажды простой крестьянский паренек Михайло не решился покинуть родные Холмогоры и отправиться пешком за тридевять земель, в Москву? Да что там – если бы ученые братья-греки Кирилл и Мефодий не оставили в свое время родной город Фессалоники и не переселились в совершенно чуждые им северные земли славян, неизвестно, возникла ли бы вообще русская культура, какой мы ее сейчас знаем...

Казалось бы, в наше время, когда передвижения по миру стали относительно простыми и безопасными, поговорки вроде приведенной выше должны были бы отойти в прошлое. Однако этого не произошло. Более того: все чаще и чаще такие поговорки начинают звучать не где-нибудь, а в православной церковной среде! Причем если в прошлом под словами «где родился, там и пригодился» подразумевались чисто практические, житейские соображения, то теперь эту поговорку выдают едва ли не за одну из христианских заповедей, а переезд в другие края – грехом против Господа и Православной веры, причем в обоснование своей позиции никто не может привести ни единой строчки из Священного Писания или хотя бы из творений отцов Церкви...

Да и как могли бы они найти подобные основания в Писании, если сама Священная история началась с переселения Авраама из земли халдейской в чужие края – причем переселения вследствие прямого указания Самого Бога? Да и все вообще Священное Писание наполнено историями странствий и переселений. Что же касается святоотеческого взгляда на этот вопрос, он достаточно ясно выражен, например, в следующих словах святителя Иоанна Златоуста: «Первая добродетель и даже все добродетели состоят в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, подобно тем блаженным ученикам, о которых апостол говорит: *Скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления: те, которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37–38)... Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Не называли ли они себя странниками по отношению к одной земле Палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, – и справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но все было для них странно и чуждо. Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому все здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самыми делами. Как и каким образом? Бог сказал Аврааму: *Оставь мнимое отечество и иди в землю чуждую* (Быт. 12, 1), – и он не остался там по любви к близким, но без сожаления оставил его, как бы землю чуждую... Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит апостол, странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; ибо что препятствовало им, если бы они хотели, возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали Отечества Небесного. Так спешили они удалиться отсюда и таким образом угождали Богу; посему и Он не стыдится называться их Богом».

Подлинным служителям Единого Истинного Бога – что в ветхозаветные, что в новозаветные времена – всегда было чуждо языческое преклонение перед «родимой земелькой» и «могилками родных» (действительно, не безумна ли сама идея, будто живой человек должен строить свою жизнь в зависимости от местонахождения мертвого тела, если мы верим, что сам умерший – его душа, его личность – пребывает не в могиле, а в Отечестве Небесном?). Конечно, они, как и любой человек, были привязаны к тем местам, где родились и выросли, – но в то же время были готовы в любой момент оставить все это, если потребуется. Они знали, что подлинное следование воле Божией состоит не в том, чтобы по-язычески цепляться за

«мать сыру землю», а в том, чтобы служить Господу и ближним там, где Ему будет угодно. И потому они без колебаний отправлялись в чужие земли, к чужим народам, следовали за своей паствой в изгнание – и совершали именем Господним великие дела, творили чудеса и достигали подлинной святости.

Замечательным примером такой «странствующей святости» стал и святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский. Отпрыск знатного сербского рода, появившийся на свет и выросший на Украине, под Харьковом, он стал священником (а впоследствии и епископом) Русской Православной Церкви. После октябрьского переворота 1917 года ему пришлось покинуть страну, где он родился, и переселиться в край своих предков – Сербию, а оттуда – сначала в далекий Китай, где он и получил свою первую епископскую кафедру, затем – во Францию, из Франции – в США, где после многих лет служения Церкви он и скончался... Пожалуй, по житию святителя Иоанна можно было бы изучать географию. Поговорка «Где родился, там и пригодился» к нему никак не применима; впрочем, и предки святителя, переселившиеся некогда из Сербии в Российскую империю, вряд ли руководствовались ею в своей жизни.

Святитель Иоанн вел жизнь крайне аскетическую: ел один раз в день, спал на стуле два-три часа в сутки, ходил круглый год в сандалиях, а когда видел босых нуждающихся, то отдавал сандалии им и ходил босиком по Парижу и другим городам. В Брюсселе он жил в крошечной комнатке под колокольной. Отыскивал нищих детей и приводил их в организованный им приют. Как-то за бутылку водки в Шанхае выменял у пьяного нищего китайца девочку нескольких месяцев, которую тот шел выкидывать на помойку, и отдал ее в свой приют. Он сумел переселить в США несколько тысяч русских эмигрантов, ютившихся после победы коммунизма в Китае на островке в Филиппинском архипелаге, страдавшем от цунами. При пребывании там русских, окормляемых Владыкой Иоанном, на лагерь не обрушилось ни одного урагана, но как только последние группы эмигрантов покинули остров и переселились в Америку, ураган тотчас уничтожил пустой лагерь. Такова была сила молитвы и праведности этого святого наших дней! И подобных случаев из жизни святителя можно было рассказать немало.

А вот как смотрел на странствия и переселения сам святитель Иоанн – в полном соответствии с православным святоотеческим учением. Пожалуй, такие слова мог бы сказать и его великий тезка, святитель Иоанн Златоуст, доведись ему жить в наше время:

«Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет себе в этом мире рая – без Креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учителя человеческие, – невозможно. Человек никогда не построит себе радостного дома в мире, где царствует грех, болезнь и смерть. Человек всегда будет бездомен в этом мире. И это благо. Страдание его кратко, а радость может быть вечной. И никакой человек не воплотит до конца идеала своей Родины на этой земле, потому что высшая и вечная Родина каждого человека есть мир правды Христовой.

Земля есть только путь людей, только станция в человеческой судьбе. Человека ждет бессмертная жизнь. Как бы долго ни останавливался он на земле и какие бы “высотные” здания он ни строил на земной скорлупке, она не перестанет быть лишь хрупкой скорлупкой над огненным океаном. И человеку предлежит отправляться далее в путь...»

Конечно, все это вовсе не значит, что святитель Иоанн вовсе не любил ни Россию, ни Сербию. Нет, он искренне любил и эти страны, и оба родных ему народа – просто не ставил эту обычную и естественную человеческую привязанность во главу угла своей жизни, не ставил ее выше любви к Богу и не делал ее главным и единственным содержанием собственного бытия. А потому, хотя революционные события в России, разрушение страны и страдания ее народа были для святителя большим горем – тем более что и паства его почти полностью состояла из тех, кто непосредственно пострадал от революции, – в то же время невозможность жить в России и крушение надежд на скорое свержение большевизма не стали для него, как для многих русских эмигрантов, «концом всего», обесмысливанием жизни. Потому что, несмотря на искреннюю любовь к родной стране, главной ценностью для святителя Иоанна, основной

целью и средоточием всего его бытия была не привязанность к земной отчизне, а стремление в Отечество Небесное, любовь к Богу и служение прежде всего Ему. Страдания земной родины, разлука с ней были страданиями и для святителя Иоанна – но эти страдания он воспринимал как испытания, призванные закалить, укрепить его веру в Господа и упование на Него Одного.

«Веровать в Бога только при условии жизненных удобств и радостей или среди только тяжких обстоятельств и небесных громов – это еще несовершенная вера, – говорил об этом сам святитель. – Надо видеть Божественную заботу о нашей бессмертной душе – и в радостях, и в трудностях жизни. Веровать в Бога – это значит во всем и всегда признавать силу, власть и мудрость верховного Хозяина жизни, проводящего нас чрез мир, как чрез больницу и школу, для исцеления, научения, умудрения и спасения нашей бессмертной души... Творец учит нас и радостью жизни, и ее трудностью: трудностью жизни смягчает нашу эгоистическую волю и светлым утешением вдохновляет нас на борьбу за правду, справедливость, за мир и высшую жизнь».

Впрочем, судьбы России и русского народа, будущее страдающей родины продолжали волновать святителя Иоанна. Он много размышлял о причинах революционной трагедии, о том, что и как может и должен делать теперь русский народ для собственного спасения и избавления своей родной страны, – и выводы, к которым приходил этот духовно мудрый и опытный пастырь, прямо противоречили тому, что утверждали в те годы многие русские эмигранты. В отличие от этих людей святитель Иоанн не считал, будто русский народ пал безвинной жертвой происков неких «заговорщиков», внешних «врагов России и Православия»; причиной революционных событий в России и последовавших за этим страшных бедствий святитель считал прежде всего грехи самого русского народа, его отступление от Бога, Которого он исповедовал на словах, но Чьи заповеди уже давно забыл и попрал. И русская белая эмиграция, нередко воспринимавшая себя едва ли не как сообщество святых мучеников, «последний оплот Святой Руси», также в полной мере, по мнению владыки Иоанна, разделяла эти грехи и ответственность народа за гибель родины.

«Значительная часть выехавших русских за границу, – писал святитель, – принадлежит к тому интеллигентному классу, который в последнее время жил идеями Запада. Принадлежа к числу чад Православной Церкви, исповедуя себя православными, люди того круга в своем мирозерцании значительно уклонились от Православия. Главным грехом людей того класса было то, что они не свои убеждения и уклад жизни строили на учении Православной веры, а старались правила и учение Православной Церкви согласовать со своими привычками и желаниями. Посему, с одной стороны, они весьма мало интересовались сущностью Православного учения, часто даже считая догматическое учение Церкви совершенно несущественным; с другой стороны, они исполняли требования и обряды Православной Церкви, но лишь постольку, поскольку это не мешало их больше европейскому, чем русскому укладу жизни. Отсюда пренебрежительное отношение к постам, посещение храмов лишь на короткое время, да и то для удовлетворения больше эстетического, чем религиозного чувства, и полное непонимание религии как главной основы духовной жизни человека. Многие, конечно, внутренне были настроены иначе, но выявить это вовне, в жизни, не у многих хватало силы духа и умения». Поэтому, по его словам, «нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжких грехов и возрождение ее возможно лишь после очищения от них».

В чем же видел святитель Иоанн спасение России? Послушаем его собственные слова, звучащие как нельзя более актуально и в наше с вами непростое время.

«Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего мира».

Интересно отметить, что святитель Иоанн, много размышлявший, говоривший и писавший о России и русском народе, в то же время всячески старался не допустить замыкания русского эмигрантского сообщества в своей среде, превращения этого сообщества в некое добровольное культурное гетто, к чему, увы, так склонны большинство национальных и религиозных общин в инокультурном окружении. Так, например, владыка много делал для того, чтобы восстановить в русских православных общинах почитание западных святых, еще до великого раскола подвизавшихся и прославленных в Западной Европе (где теперь проживало множество русских эмигрантов). Вот как об этом говорится, например, в одном из пастырских указов 1951 года святителя Иоанна: «Пребывая в рассеянии в странах, где древле подвизались и прославились своими страданиями или иными подвигами святые угодники, чтимые Православной Христовой Церковью с древних лет, подобает нам достойно почитать их и прибегать к ним, не охладевая в то же время к святым угодникам Божиим, к коим мы прибегали и прежде в молитвах».

Что же почитал святитель Иоанн главным в этом мире, в человеческой жизни вообще? Ведь этот вопрос – вопрос о самом главном и ценном – с особой остротой встает перед тем, кто потерял родину и познал горечь изгнания... Человек, лишившийся многого, – быть может, даже всего, что имел на земле, – не удовлетворится поверхностным, дежурным ответом на такой вопрос. И если он в конце концов найдет ответ – это будет ответ, пропущенный через сердце, исходящий из самой его глубины.

Святитель Иоанн самым главным в жизни каждого человека и мира в целом считал Христову любовь и Божие добро, служение этим любви и добру всеми силами, всем своим существом.

«Каждому из нас дан талант любви, и из множества наших отдельных жизней складывается общий облик того или иного народа и всего человечества. Каждый человек ответствен прежде всего за свою жизнь. Себя, свою душу он должен возделывать, как сад. Инженер, врач, земледелец, ученый, политик, общественный деятель, рабочий, кладущий кирпичи, садовник, прививающий плодородное дерево, поэт, утешающий человека, музыкант, выискивающий новую гармонию, – все это пчелы, работающие в одном огромном улье-мире; они летают по разным цветам, но сладость достижений их идет в общий дом. Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств, сладких для всех, а не разъедающим дымом эгоизма, ненависти и зла. В этом высшее осуществление цели жизни нас всех, – Царство Божие...»

Нужно видеть вокруг себя не только зло и несправедливость в людских отношениях и не только временное одоление добрых людей злыми, но и совершающуюся – иногда очень сокровенно – великую победу добра над злом. Победы зла над добром призрачны и кратковременны, а победы добра и самое существование в мире добра, которое является уже его победой, суть высшая реальность мироздания и общее человеческое богатство».

Конечно, подобное служение невозможно без Богообщения и Богопознания, без постоянного единения с Богом в молитве, Таинствах, в каждом поступке, согласованном с заповедями Божиими... И потому вопросы богопознания занимают важное место в книгах и проповедях святителя Иоанна. Он любил Бога, стремился к Нему всем своим существом – и те же любовь и стремление старался передать своей пастве. Послушаем же мудрые пастырские слова:

«В саду Южной Калифорнии я как-то увидел большую оранжевую бабочку с черным, непогрешительным в своей точности, двойным рисунком на крыльях: это была удивительная красота среди зелени, света и цветов, – песнь Богу в цветах и красках. В тишине кроткого, чистого, покорного Богу творения возносилась эта песнь и светилась эта премирная красота... Она показывает себя уже в этом мире и хочет вскрыть унылую, тяжелую душу человека к небу. Бабочка – такое же откровение Божия перста, как и северное сияние, полевая лилия, птица. Указывая на них, Спаситель говорил: “Посмотрите на птиц небесных... Посмотрите

на лилии полевые», – значит, все создано, чтобы мы на это смотрели и научались видеть в материальном мире Божию мудрость, милость и силу. Никакая дисгармония падшего человечества, никакие наши преступления не могут затмить красоты Божия мира. Из глубины своего нравственного неустройства люди призваны вникать в красоту творения и переводить ее в область духа; и так должна открываться человеку новая, более совершенная гармония бытия, в дарах Духа: в смирении, в вере, надежде, правде, чистоте, преданности и любви к Богу и человеку, – от всего сердца, воли и разума... Смягчается сердце среди гармонии творения... И к молитве человека ведет красота видимой природы. Всякая гармония, открывающаяся в природе и замечаемая в отношениях между людьми, ведет к познанию высшего мира и к молитве.

В чем начинается наше пребывание с Господом? В желании соблюсти малейшую Его волю, исполнить каждое указание Евангелия, даже каждый намек Его заповеди. Пребывание с Господом выражается и в мире сердца, который превыше всякого мира. Он есть *мир наш* (Еф. 2,14). Пребывание с Господом есть молитвенная, чистая, небесная радостно-благодарная смягченность правдивого и покаянного сердца. Пребывание с Господом есть живое непрестанное общение с Ним, хождение перед Ним и в Нем...

Чтобы познать Бога, надо, в сущности, только одно: сделаться человеком. Истинный человек всегда видит умом и сердцем Бога, слышит Его слово – и в природе мира, и в своей совести, и в ослепительно открывшейся истине Евангелия... Вникание в Евангелие, проверка себя, своей совести его светом и молитва просвещают малый человеческий разум и открывают в человеке высший разум, который обычно бывает в человеке закрыт, засыпан мелким практическим рассудком. Истина Христова освобождает человека от зла и неведения, очищает и воспитывает внутреннюю глубину в человеке, его сердце, дух... Кто хочет познать истину, тот прежде всего должен начать познавать в себе того человека, который в силах ее познать.

Свободной, честной мыслью своей, верой как высшей духовной интуицией и молитвою человек может пройти мгновенно все то расстояние, которое отделяет его от Бога. Молитва есть истинное питание духа и оживление бессмертного существа в человеке, она есть высшее просвещение человека. Кто хочет молиться Богу, тот найдет молитву, и кто найдет ее, никогда не оставит, потому что нет большего блага и счастья для человека, как говорить с Богом, – осознавать и чувствовать свое живое, личное общение с Творцом, бесконечной любовью и правдой. По Его любви и правде томится всякий человек, не угасивший до конца своего духа».

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Будем же просить на нелегком, но благодатном пути Спасения помощи Господа нашего Иисуса Христа и молитвенного предстательства за нас святителя Иоанна Шанхайского, воскликая вместе со всей Церковью:

«Христу Пастыреначальнику последовав, во святителях изряднейший явился еси, спасл бо еси овцы своя от губительства безбожных, пристанище мирное тем учредив, и попечение непрестанное о пастве имея, врачевал еси их недуги душевные же и телесные, и ныне о нас к твоим честным мощем припадающих, моли Христа Бога, отче Иоанне, в мире спастися душам нашим».

Аминь.

Слово на обретение мощей преподобного Максима Грека (21 июня / 4 июля)

*Зарею Духа облистаеть, витийствующих богумудренно
сподобился еси разумения, неведением омраченная сердца человеков
светом благочестия просвещая, пресветел явился еси Православия
святильник, Максиме преподобие, отонудуже ревности ради Всевидящаго
отечества чужд и странен, Российския страны был еси пресельник,
страдания темниц и заточения от самодержавнаго претерпев, десницею
Вышняго венчаешися и чудодействующи преславная.*

Тропарь преподобному Максиму Греку

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Церковь вспоминает день обретения честных мощей преподобного Максима Грека. Житие преподобного Максима являет нам удивительный пример истинно христианской, бескорыстной, жертвенной любви к ближнему, любви, преодолевающей все препятствия: этнические различия, расстояние, невзгоды и личные обиды. Преподобный всей жизнью своей засвидетельствовал истинность апостольских слов о том, что *во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа* (Кол. 3,11): греческий монах, рожденный и воспитанный на Балканах, он стал русским святым, подлинно своим для Руси, несмотря даже на то, что встретил в нашей стране не теплый радушный прием, а стену непонимания и враждебности...

Будущий подвижник родился около 1470 года на северо-западе Греции, в городе Арта, что в области Эпир, и во Святом Крещении получил имя Михаил. Родители Михаила, Эммануил и Ирина Триволис, были не только богатыми, знатными и образованными людьми, но и подлинно благочестивыми православными христианами, поэтому и сына своего они воспитали в любви ко Христу. Михаил получил прекрасное домашнее образование, обучался у лучших учителей Арты и острова Керкира (Корфу). Но пытливому уму юноши этого было мало. Он стремился к более обширным и глубоким познаниям, в чем его поддерживали и родители. А

так как в разоренных турками греческих землях продолжать образование было невозможно, Михаил с благословения родителей отправился в Западную Европу.

В течение пятнадцати лет молодой грек постигал философию, историю и филологию, изучал древние и новые языки: сначала в Париже, затем в Венеции, Падуе, Флоренции и Милане, где сблизился со многими известными деятелями той эпохи. Постепенно из разряда учеников Михаил перешел в ряды учителей, став своим в ученых кругах Италии. Его ожидала блестящая будущность – но душа молодого человека жаждала чего-то большего, высшего.

Несмотря на уважение к западной учености, глубоко верующему Михаилу были чужды откровенные симпатии к язычеству, насмешки над христианской верой, развращенные нравы, широко распространившиеся в те годы в образованных слоях западного общества эпохи Возрождения. Михаил не мог не понимать, что *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33), а потому и его собственной душе грозит потеря чистоты. «Если бы не Господь, пекущийся о спасении всех, помиловал меня и не посетил вскоре Своею благодатию, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно погиб бы и я с находящимися там проповедниками нечестия», – вспоминал впоследствии преподобный.

И Господь, видя благое расположение Михаила, хранил Своего раба. Многочисленные духовные соблазны не только не поколебали его веры, но, напротив, лишь укрепили в верности Христу и Его Святой Церкви. Михаил принял решение полностью посвятить свою жизнь служению Богу и ближнему. Вернувшись в 1507 году на родину, он отправился на Афон и принял монашеский постриг в монастыре Ватопед, с именем Максим – в честь святого преподобного Максима Исповедника.

Около десяти лет провел Максим на Святой Горе, неустанно подвизаясь и совершенствуясь в монашеских добродетелях: любви, послушании, воздержании, смирении и нестяжательстве. Продолжал он углублять и свои познания: в богатой библиотеке монастыря Ватопед хранилось множество бесценных рукописей, в том числе редкие книги, некогда принадлежавшие византийским императорам – ктиторах этой афонской обители. Иногда Максима посылали в мир по делам монастыря, и подвижник старался использовать эту возможность, чтобы духовно укрепить жителей поработенной османами Греции, наставить их в вере Христовой.

Братия монастыря глубоко уважала преподобного Максима и за его ум и познания, и за его добродетели: смирение, искреннюю и горячую любовь к Богу и людям, трудолюбие. Максим не искал славы и высоких должностей, он стремился лишь к одному: служить Господу и ближним. Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Лк. 6, 14). Известия об ученом и добродетельном монахе дошли и до Константинопольского Патриарха. Духовный авторитет, которым пользовался преподобный на Святой Горе и в Патриархии, и определил, по воле Господа, будущее Максима: именно на него был возложен тяжкий, но благодатный просветительский труд в далекой северной земле – Московской Руси.

В 1515 году великий князь Московский Василий III Иоаннович обратился к Патриарху Константинопольскому Феопипту и высшему органу власти Святой Горы Афон – Протату – с просьбой прислать в Москву кого-либо из ученых греческих монахов для перевода греческих книг. Просьба эта была вызвана двумя причинами. Как известно, матерью великого князя была греческая царевна София Палеолог. После ее смерти осталась обширная греческая библиотека, и Василий Иоаннович, желая разобраться в книгах и рукописях матери, решил выписать к себе квалифицированного переводчика.

Кроме того – и эта причина, пожалуй, была основной, – требовалось исправить русские переводы Священного Писания, богослужебных книг и святоотеческих творений. Переводы эти, сделанные несколько веков назад, за истекшие годы неоднократно переписывались, зачастую недостаточно образованными переписчиками или даже вовсе малоучеными людьми. Поэтому списки одного и того же текста могли сильно разниться между собой, в переводах встречались грубые ошибки и неточности. К тому же некоторые переводы были изначально

неверны, так как выполняли их либо славяне, недостаточно знавшие греческий язык, либо греки, недостаточно хорошо владевшие языками славянскими. Вследствие этого священные слова молитв, богодухновенные строки Писания и полные духовной мудрости поучения святых отцов доходили до русских православных христиан в искаженном виде, что не могло не иметь пагубных последствий для духовной жизни Руси. Степень искажения текстов была так велика, что к началу XVI века трудно было найти верный список славянской Псалтири...

Попытки исправления русских текстов предпринимались неоднократно. Еще святитель Алексий, митрополит Московский в XIV веке, в совершенстве владевший греческим языком, занимался исправлением Священных книг и лично брался за перевод Евангелия. Исправлением книг занимался и святитель Киприан в XIV–XV веках, но множество трудов и забот препятствовали полному сосредоточению сил на столь обширной работе. Кроме того, святой Киприан, будучи болгарин по происхождению, невольно привнес в русские тексты множество болгарских выражений и оборотов, малопонятных русскому человеку. Поэтому к XVI веку вопрос исправления русских текстов стоял все так же, если не более остро.

Выбор Протата и братии Ватопедского монастыря был единодушным: ехать в Москву к великому князю должен был Максим, как самый искусный из афонской братии в знании Священного Писания и многих других наук. Этот выбор был полностью одобрен и Патриархом Константинопольским. Ни афонитов, ни русских посланников Василия Иоанновича не смущало даже то, что брат Максим не знал русского языка: полностью полагаясь на его мудрость, они были уверены, что ученый монах сможет быстро овладеть новым языком в достаточной степени, чтобы служить князю переводчиком. Действительно, посвятив следующие три года изучению русского языка, Максим к началу 1518 года (то есть ко времени своего прибытия в Москву) уже мог вполне хорошо изъясняться и писать по-русски.

Великий князь встретил Максима с большим почетом и поселил его в кремлевском Пудовом монастыре, на полном содержании от великокняжеского двора. Вскоре после прибытия Максим приступил к разбору греческих книг княжеской библиотеки и был поражен богатством собрания. Княгиня Софья вывезла с собой из Константинополя множество редчайших книг и рукописей; кроме того, немало греческих книг было прислано ей в дар восточными Патриархами. Преподобный сообщил князю, что даже у себя на родине, в Греции, ему не приходилось видеть столь богатой греческой библиотеки. Весьма довольный этими словами ученого афонита, Василий Иоаннович повелел ему отобрать из библиотеки книги, еще не переведенные на русский язык, и приступить к их переводу. Составив подробную опись таких книг, преподобный Максим начал с перевода Толкового Апостола (начальная часть этой книги – толкование на Деяния апостолов – была переведена уже к весне 1519 года) и Толковой Псалтири. В помощь преподобному великий князь дал двух русских переводчиков – Дмитрия Герасимова и Власа Игнатов, а также двух писцов – инок Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Силуана и Михаила Медоварцева. Ни Герасимов, ни Игнатов не знали греческого языка, зато в совершенстве владели латынью. Поэтому, если преподобный Максим затруднялся найти точный перевод на неродной ему русский язык для какого-либо сложного выражения или отрывка греческого текста, он переводил сложное место на латынь, а княжеские переводчики подыскивали соответствующие русские слова и выражения.

Трудность перевода Толковой Псалтири заключалась еще и в том, что составители книги собрали в ней труды самых разных толкователей, среди которых, наряду с великими отцами Церкви, были такие еретики, как Ориген, Аполлинарий, Севир Антиохийский и другие. Причем различные толкования были соединены в единый текст, так что преподобному стоило немалого труда отделить чистые пшеничные зерна святоотеческого учения от еретических плевел. Для этого требовались глубокие богословские познания, которыми, к счастью, Максим обладал в полной мере: выбор афонской братии полностью оправдал себя.

Наконец, спустя полтора года перевод Толковой Псалтири был готов. Преподобный Максим представил его великому князю и митрополиту Московскому Варлааму со словами: «Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения Богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки и учились у знаменитых учителей, но еще стоим негде долгу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостоиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык, по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риториками, довольно представляет трудностей в переводе, для побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однако же, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцом или от долговременности, где возможно было при пособии книг, или по собственной догадке, старались исправить. Где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было».

Преподобный Максим признавал, что в его переводе также могли встретиться неточности и ошибки, заранее предупреждал об этом князя и просил по возможности исправить найденные огрехи, с тем лишь условием, чтобы исправитель также хорошо владел греческим языком, грамматикой и риторикой.

Преподобный просил награды своим русским помощникам и писцам, для себя же не просил ничего, кроме позволения возвратиться на Святую Гору вместе с сопровождавшими его в Москву афонскими иноками Нифонтом и Лаврентием. «Избавь нас, – писал преподобный Василию Иоанновичу, – от печали долгой разлуки, возврати безбедно честному монастырю Ватопедскому, давно уже нас жаждущему. Даруй нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли пред Христом и страшными Его Ангелами в день пострижения. Отпусти нас скорее в мире, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских доблестях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдою и православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует Господь некогда царствовать и нам, освобожденным тобою от рабства нечестивым».

Перевод Толковой Псалтири был высоко оценен и князем, и митрополитом, и всем московским духовенством. Но желанию преподобного Максима не суждено было сбыться в полной мере: щедро наградив его помощников, Василий Иоаннович не отпустил его самого обратно на Афон, повелев ученому монаху продолжить свои труды и приняться за перевод толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна.

Успешно переведя эти книги, преподобный Максим взялся за Правила святых апостолов и Правила Вселенских и Поместных Соборов, толкования на пророческие книги и житие Пресвятой Богородицы, составленное святым Симеоном Метафрастом. Кроме того, Максиму было поручено исправлять русский перевод богослужебных книг, прежде всего Триоди, в которых накопилось немало грубых ошибок. Преподобный ревностно принялся за этот благой труд и, по его собственному выражению, обеими руками вычищал плевелы из Священных текстов.

Чем дальше, тем больше находилось работы ученому афониту, все отдаленней и прозрачней становилась надежда на скорое возвращение на Святую Гору Афон. Впрочем, хотел ли еще этого и сам преподобный? За несколько лет пребывания в Москве, в совершенстве овладев русским языком и вникнув в жизнь нашего народа, Максим проникся глубокой, подлинно христианской любовью к нашей стране и населяющим ее людям. Искренне печалась о том, что «присноименитые люди российские» еще недостаточно научены подлинному, живому, деятельному, богоспасительному христианству, преподобный постепенно приходил к пониманию

того, что Господь призывает его послужить русским братьям во Христе, как некогда послужили им его соотечественники – святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, великие «учители словенские».

XVI век был тяжелым временем для духовной жизни Руси. Преподобный Максим с горечью замечал, что, как и на Западе, на Руси он нашел мало истинных плодов правой Христовой веры. Но если на Западе это происходило от увлечения языческой философией и отступления от основ христианства, то на Руси духовные нестроения были следствием неучености. Русские люди были по-прежнему преданы Православной Церкви, но не были наставлены в вере и потому не могли вести истинную христианскую жизнь. Плохо зная Священное Писание и основы православного учения, они готовы были верить любому шарлатану, который, напустив «словесного тумана», с умным видом рассуждал о вере. Поэтому вера во Христа зачастую сочеталась у русских православных христиан с откровенно языческими верованиями, наряду с молитвами в народе использовались языческие заговоры, бытовали апокрифические и подчас богохульные «сказания» о Спасителе, Богоматери и святых и т. д. В низших слоях общества было широко распространено колдовство, в высших – астрология и различные гадания. Кроме того, само представление о духовной жизни было у народа во многом языческим: вера сводилась к набору обрядов – телесным постам, посещению богослужений, чтению канонов, – ревностного исполнения которых, в представлении людей, было достаточно, чтобы считаться «истинным христианином» и заслужить спасение. Исполнение заповедей при этом не считалось обязательным, и во всех слоях общества процветали самые различные пороки: разврат, немилосердная жестокость, лихоимство...

Все это немало печалило преподобного Максима. Будучи человеком ревностным, благочестивым и горячо верующим, он не мог безучастно взирать на то, как народ Божий все глубже погружается в пучину греха. Поэтому, не оставляя своего основного занятия – перевода Священных книг, – преподобный начал составлять небольшие «слова»-поучения на русском языке, в которых изобличал пороки и суеверия и разъяснял православное вероучение. Вопросы в этих «словах» поднимались самые разные: от простых, бытовых до сложных богословских. Но общими для всех «слов» были прекрасный слог, простой и понятный, без лишней витиеватости язык, глубокая духовная мудрость и пламенная любовь к Богу и людям. Благодаря краткости и несложному языку афонская святоотеческая духовность «слов» преподобного Максима становилась доступна не только ученым мужам, но и простому народу.

Многие из этих «слов» звучат весьма злободневно и в наше время. Вот, например, что пишет преподобный в «Слове к тем, которые живут во грехах неисправимо, но ежедневно исполняют каноны и молитвы, установленные святыми отцами, и этим надеются спастись»:

«Святые и преподобные отцы составили много различных молитв, и все они имеют одно содержание и одну цель: ими мы исповедуемся Владыке всех в прежде содеянных нами грехах и просим в них прощения себе и чтобы нам отстать от них, и на будущее время утвердиться страхом Господним, и жить благоугодно пред Ним, по Его святым заповедям, а которые достигли совершенства, и пришли в меру возраста Христова, как говорит апостол: *доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13), – те просят получить силу и просвещение Божественного разума. Да будет же известно нам, благочестивым, что пока мы пребываем во грехе, то есть в преступлении Божественных заповедей Христа Бога, то, хотя бы и все молитвы преподобных, и тропари, и кондаки, и молебные каноны ежедневно и во все часы прочитывали, – мы этим ничего не достигли. Ибо Сам Владыка Христос, как бы укоряя нас и поношая, говорит нам: *Что вы зовете Меня: Господи! Господи! – и не делаете того, что Я говорю?* (Лк. 6,46), то есть “пока живете в преступлении Моих заповедей, до тех пор вы напрасно призываете Меня многими и продолжительными молитвами”. Одна только есть благоприятная Ему и благоугодная молитва, это молитва деятельная, заключающаяся в том, чтобы всей душой отстать навсегда от всякого

нарушения святых Его заповедей и утверждаться затем в страхе Его, творя всякую правду, с радостью духовною и нелицемерною любовью».

В «Слове к намеревающимся оставить своих жен без законной причины и поступить в иночество» преподобный говорит: «Не в перемене одежды и не в воздержании от некоторых блюд заключается и похваляемо бывает христианское благочестие, но в изменении от злых языческих нравов и в воздержании от... душевредных страстей плоти и духа... Вы, которые законно живете с женами и воспитываете детей... не ищите развода с ними вопреки заповеди божественного Павла, который говорит: *соединен ли ты с женой? Не ищи развода* (1 Кор. 7, 27), ибо *брак честен и ложе нескверно* (Евр. 13, 4)... но отрешите себя самих от всякого зла...»

В специальном поучении о царском достоинстве преподобный афонит возвещал великому князю и окружавшим его вельможам (в том числе и удельным князьям): «Благолепным украшением для неба днем служит... светлое солнце, которое ежедневно проходит по нему и освещает всю подсолнечную; ночью же украшением для него служит луна, когда находится в полноте своей. Для благочестиваго же царя благолепным украшением и светлым венцем для царской его главы служит самое незаходимое *Солнце правды* (Мал. 4, 2) – Иисус Христос, Который постоянно просвещает и освящает царский ум и душу лучами милости и всякой правды и кротости, ради чего он всеми подчиненными ему прославляется, восхваляется и любим бывает, как отец своими детьми, и утверждается молитвами, возсылаемыми о нем к Вышнему, и во всем, что бы он ни делал или замышлял доброго, получает помощь от Бога... И что может быть лучше сего, потребнее и нужнее для благочестивых царей и государей?»

Наставления преподобного Максима нашли отклик во множестве сердец. К мудрому афониту стали обращаться за духовным советом и простые люди, и ученое духовенство, и высокопоставленные вельможи. Впрочем, нашлось немало и таких, кто, узнавая себя в обличительных словах преподобного или же не будучи в силах расстаться с собственным невежеством и пороками, негодовали на ученого грека. Таким людям, не умевшим отличить Православие от привнесенных в него предрассудков, казалось, что, обличая суеверия, обрядоверие, подложные сказания и пороки, сочетающиеся с внешней набожностью, преподобный Максим посягает на самую сущность Православной веры. Недовольство среди невежественного народа вызывали и труды преподобного по исправлению богослужебных книг. Все чаще раздавались злобные голоса: «Можно ли исправлять книги, по которым столько святых мужей угодили Господу? Максим не исправляет, а портит Святые книги и наносит великую обиду русским чудотворцам!»

До поры враги не могли повредить преподобному Максиму: ведь к нему с уважением относился не только великий князь, но и сам митрополит Московский Варлаам. Но пришло время, когда афонский инок лишился своего высокого духовного покровителя.

Митрополит Варлаам был человеком добродетельной жизни и истинным пастырем, не боявшимся обличать порок даже в государевых палатах, и за это христианское мужество ему пришлось пострадать. Произошло это следующим образом: на службе у великого князя Московского состоял князь Василий Иванович Шемячич, перешедший в Российское государство из Литвы вследствие начавшихся там гонений на Православие. Недоброжелатели Шемячича написали на него донос, обвиняя князя в изменнических сношениях с Литвой. Василий III вызвал Шемячича в Москву для разбора дела, причем подозреваемому князю была обещана полная безопасность. Но по прибытии в Москву Шемячич был заключен в темницу. Митрополит Варлаам и игумен Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Порфирий возмутились подобным вероломством, и великий князь, не любивший, когда ему перечили, сослал Порфирия в Белозерскую обитель, а Варлаама – в Спасо-Каменный монастырь. Московский митрополичий престол занял Даниил, человек умный, но до крайности честолюбивый. Ради того чтобы сохранить за собой высокий сан и заслужить милости великого князя, он во всем угождал государю, даже если для этого приходилось идти против Христовых заповедей и голоса совести.

Митрополит Даниил с самого начала невзлюбил преподобного Максима, увидев в нем то, чего многие зачастую не могли найти в нем самом: поставление верности Господу и Его учению выше земного благополучия и почета. Вскоре появилась и еще одна причина для недовольства: преподобный Максим, как и прежде, прямо и непосредственно обличал дух стяжательства, проникший тогда во многие монашеские обители (в этом вопросе Максим был согласен со взглядами преподобного Нила Сорского, считавшего, что все помыслы иноков должны быть сосредоточены на духовной жизни, а не на владении и управлении многочисленным имуществом). Даниил же принадлежал к числу тех, кто в вопросе о монастырском имуществе придерживался взглядов преподобного Иосифа Волоцкого, считавшего, что монастыри могут владеть имуществом, дабы всегда иметь средства на дела благотворительности. Конечно, в поучениях преподобного Максима не было ничего несогласного с такими взглядами – ведь ученый афонит обличал не монастырское землевладение (всегда бывшее одним из источников существования афонских монастырей) и тем паче не монашескую благотворительность, а недостойное христианина стяжательство – но Даниил, в силу особенностей собственных взглядов, не мог или не хотел отличить одно от другого.

И новый митрополит, и прежние враги Максима Грека принялись оговаривать преподобного перед великим князем. В ход пошли и старые обвинения в «посягании на веру», «непочтении к Русской Церкви» и «умышленной порче книг». Но причиной окончательного разрыва с великим князем послужила повторная женитьба Василия III. Здесь преподобный Максим, как ранее его покровитель митрополит Варлаам, пострадал за верность христианским нравственным убеждениям.

Василий Иоаннович более двадцати лет состоял в браке с Соломонией Сабуровой, добродетельной христианкой, верной и доброй супругой. Однако все эти годы Соломония оставалась бесплодной, а великий князь хотел иметь наследника, чтобы после его смерти Московский престол перешел к его потомкам, а не к потомкам его родных братьев (ослепленный этой жадой власти, он даже запрещал братьям жениться и иметь законное потомство, что впоследствии сыграло роковую роль для династии Рюриковичей). Потеряв надежду на рождение наследника от законной супруги, Василий Иоаннович решил развестись с ней и жениться повторно. Такое решение, в общем, было бы вполне естественно в языческом обществе, где главной целью и смыслом брака считалось деторождение. Но ведь Василий Иоаннович был государем христианского народа...

Митрополит Даниил, во всем потворствуя великому князю, одобрил его решение о разводе, хотя оно было противно православному учению о браке и словам Самого Господа Иисуса Христа: *Что Бог сочел, того человек да не разлучает... Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует* (Мф. 19, 6–9). Но преподобный Максим не мог молчать при виде столь явного беззакония, причем творимого самим государем, который должен был служить примером для подданных. Преподобный написал великому князю письмо, в котором разъяснял ему несогласие развода с христианским учением и призывал государя не покоряться плотским страстям (к каковым относилось и безумное желание ради земного деторождения пренебречь Таинством Брака). «Того почитай истинным самодержцем, о благовернейший царь, – писал преподобный князю, – кто управляет подданными по правде и по закону, а бессловесные похоти своей души старается преодолеть в себе. Кто же побеждается ими, тот не есть одушевленный образ Небесного Владыки, а только человекообразное подобие бессловесного естества».

Столь прямое и смелое возражение не могло не вызвать гнев великого князя. Прежде не обращавший внимания на многочисленные доносы врагов преподобного Максима, теперь он дал полную волю его обвинителям. Состоялся суд. Максиму припомнили и обличение русских нравов, и «порчу» книг. Обвинили его также в изменнических сношениях с турецким послом

(незадолго до того умершим, что для клеветников было весьма удобно – ведь мертвый не может ничего ни подтвердить, ни опровергнуть). Были даже обвинения в ереси.

Преподобный Максим решительно отверг обвинения в измене, а за возможные ошибки в переводах (о которых, заметим, он сам неоднократно предупреждал великого князя и духовенство) смиренно просил прощения, объясняя, как и раньше, что русский язык не родной для него и он мог ошибиться единственно по этой причине, но никак не умышленно. Кроме того, многие «ошибки», вменявшиеся ему в вину, были на самом деле более точным переводом греческого оригинала, на что преподобный также пытался указать в совершенном смирении. Но слушать его оправдания никто не стал: ведь суд над ученым старцем был вовсе не правосудием, но местью за оскорбленное самолюбие и обличенный порок. Преподобного Максима, этого благочестивого и строго православного монаха, осудили как еретика и приговорили к заточению в Иосифо-Волоцком монастыре, отлучив его от приобщения Святых Христовых Таин и посещения церковных служб. Такова была благодарность Руси своему любящему, искреннему и бескорыстному просветителю...

Шесть лет провел преподобный Максим в Иосифо-Волоцком монастыре, заточенный в сырой и тесной келье, в темноте, смраде и холоде, полностью лишенный своих привычных учебных занятий, так как писать ему было запрещено, а все книги были у него отобраны. Не мог он утешиться и общением с братьями во Христе: игуменом монастыря был один из последователей митрополита Даниила, в силу чего и братия, в большинстве своем, крайне враждебно относилась к узнику. Но самым тяжелым было для преподобного Максима лишение Причастия. Впрочем, хотя люди несправедливо лишили его внешнего приобщения Святых Таин, Сам Господь не лишил праведника общения с Собой и не оставил его без утешения. Однажды, когда преподобный Максим молился в своей темнице, ему явился Ангел Господень и утешил его, говоря: «Терпи, старец: этими временными страданиями ты избавишься вечных мучений». Ободренный этими святыми словами, преподобный вознес хвалу Господу и не впадал более в уныние. На стене его кельи впоследствии нашли начертанный углем канон Пресвятому Духу Утешителю, составленный Максимом в заточении. Строки этого канона (ныне принятого в литургическое употребление) дышат неколебимым упованием на Господа и благодарностью Ему за все, в том числе и за испытания.

В 1531 году состоялся новый суд над преподобным Максимом (судя по некоторым косвенным историческим свидетельствам, причиной этому могло послужить ходатайство афонского Протата за невинно осужденного узника). Но этот суд не оправдал Максима: ведь у власти по-прежнему находились его враги. Единственным облегчением его участи стал его перевод из Волоколамской обители в Тверской Отроч монастырь, под надзор Тверского епископа Акакия, человека доброго и сострадательного. Он хорошо обходился с узником, приглашал его к своей трапезе и, что было особенно важно для преподобного, разрешил ему читать книги и писать. Но снять с узника запрет на Причастие и участие в церковных службах епископ не мог.

Преподобный Максим принимал свою участь с прежним смирением и упованием на Господа. Вот что писал он в дни заключения для увещания и утешения собственной страждущей души: «Не тужи, не скорби и не тоскуй, любезная душа, о том, что страдаешь без правды от руки тех, от которых следовало бы тебе принять все блага, так как ты питала их духовною трапезою, исполненною Святаго Духа, то есть толкованием Богодухновенных песнопений Давидовых, которые и перевел с греческого на русский язык; а потому благодари твоего Владыку и прославляй Его, что сподобил тебя в нынешнем житии, временными скорбями, заплатить с прибылью весь долг. И так внимай себе, да не помыслишь, что время сие есть время сетования; напротив, признавай, что это время Божественной радости, да не пострадешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность в настоящем и в будущем веке. Если так вооружаешь себя всегда, радуйся и веселись, ибо награда твоя многа на небесах, как об этом говорит Небесная Истина».

Так прошло еще три года. В 1534 году скончался великий князь Василий Иоаннович, и преподобный Максим надеялся, что с кончиной прогневавшегося на него государя кончится и опала. Он написал московским боярам, правившим за малолетнего наследника, письмо, в котором просил снять с него клеветнические обвинения и отпустить его на свободу. Но бояре, занятые интригами и борьбой за власть, оставили без всякого внимания просьбу невинного страдальца.

В 1539 году один из главных гонителей преподобного Максима, митрополит Даниил, был отправлен на покой в монастырь. На митрополичий престол взшел благочестивый игумен Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Иоасаф. Узнав об этом, преподобный направил новому митрополиту просьбу о помиловании и освобождении. Иоасаф и до восшествия на митрополичий престол был уверен в невинности Максима, но не мог единолично оправдать его: для этого нужно было согласие светских властей, а правившие в ту пору боярские группы по-прежнему не желали замечать прошений невинно осужденного просветителя. Однако митрополит своей духовной властью снял с Максима все прещения, допустив его к Причастию и службам. Невозможно описать словами великую радость, которую испытал преподобный, впервые за долгие тринадцать лет приступая к Божественным Телу и Крови!

Удивительно, но за годы несправедливого заточения любовь преподобного Максима к столь неблагодарно обошедшемуся с ним народу нисколько не уменьшилась. Он по-прежнему искренне болел душой за Русь и русский народ. Слыша о том, какие нестроения начались в землях Москвы из-за алчности и властолюбия правителей-бояр, преподобный немало скорбел сердцем и, рискуя навлечь на себя новую опалу, составил аллегорическое сочинение-увещевание, в котором Русская земля изображалась в виде прекрасной благородной женщины, дочери Царя, окруженной дикими зверьми – дурными правителями. Когда же в 1541 году, благодаря заступничеству Божией Матери, русским войскам удалось обратить в бегство полчища крымского хана, преподобный Максим вознес Богу благодарственную молитвенную песнь за спасение Русской земли.

Время шло, и наследник Василия III – Иоанн Васильевич, в 1545 году обрел, наконец, самодержавную власть, избавившись от опеки «коллективного регента» в лице соперничавших между собой боярских клик. Надеясь, что политические перемены благоприятно скажутся на судьбе преподобного Максима, восточные православные Патриархи – Константинопольский Дионисий и Александрийский Иоаким – обратились к будущему грозному царю с ходатайством за невинного узника. Однако это ходатайство по неизвестным причинам осталось без ответа. Даже ставший в 1542 году митрополитом Московским святитель Макарий (1542–1563) не смог тогда помочь опальному страдальцу и вынужден был написать святому исполненные скорби слова: «Узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Преподобного Максима освободили лишь через шесть лет, в 1551 году, после двадцати пяти лет заключения, когда за него вступились перед царем игумен Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Артемий и несколько благочестивых бояр.

Преподобного Максима с прежним почетом встретили в Москве и поселили в Лавре. Здесь преподобный, находившийся уже в преклонном возрасте и изможденный тяготами многолетнего заключения, мог бы доживать свой век в полном покое. Но не покоя жаждал этот неутомимый труженик нивы Христовой, главным желанием которого было служить Богу и людям: едва оправившись от прежних страданий, он принялся за перевод Псалтири с греческого на славянский язык.

Испытания не сломили духа преподобного Максима, его верность Христу была все так же неколебима, и он по-прежнему был готов говорить сильным мира сего правду в глаза, если это было необходимо для их собственного вечного спасения и для блага подвластного им народа. Кроме того, Господь удостоил Своего верного раба дара прозорливости. Так, в 1553 году, через год после взятия Казани, Максима в его келье посетил сам царь Иоанн. Царь направлялся в

паломничество в Кириллов монастырь, в благодарность за свое недавнее исцеление от болезни. Услышав об этом, преподобный Максим со свойственной ему прямою посоветовал монарху вместо паломничества призреть вдов и сирот воинов, погибших в Казани, потратив предназначенные для монастыря деньги на их обеспечение. «Если не послушаешь меня, советующаго тебе по Боге, – прибавил старец, – и презришь крови избиенных от поганых, ведай, что умрет сын твой новорожденный Димитрий». Иоанн, однако, как это и впоследствии часто бывало в его жизни, не послушался «словес преподобных». Вскоре печальное пророчество преподобного Максима исполнилось, заняв свое место в чреде предвестий грядущих бедствий, ожидавших Россию под властью Иоанна Грозного.

Святой Максим мирно отошел ко Господу 21 января 1556 года в Лавре преподобного Сергия, после тридцати восьми лет тяжких трудов и страданий на благо Русской Православной Церкви и русского народа. Ко гробу его начало стекаться множество людей, желая почтить память своего святого просветителя и наставника. В месте погребения преподобного на протяжении столетий совершались многие чудеса.

В 1833 году над гробом преподобного Максима была построена часовня, где чтившие память подвижника православные христиане совершали по нем панихиды. В конце 1930-х годов, во время большевистских гонений на веру, часовня была разрушена, и следы гробницы преподобного совершенно затерялись.

В 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви состоялось общеправославное прославление преподобного Максима в лике святых. А 26 июня 1996 года, после совершения молебна преподобному Максиму, были начаты археологические раскопки у северо-западной стены Лаврского Свято-Духовского храма, где должна была находиться гробница подвижника. Поиски эти увенчались успехом: честные мощи преподобного Максима были обретены 3 июля 1996 года и ныне почивают в Троице-Сергиевой Лавре.

Будем же, отцы, братья и сестры, учиться у преподобного Максима искренней и деятельной христианской любви ко всем людям, без различия национальности, будем учиться его смирению, незлобивости и вместе с тем – христианскому мужеству и непреклонности в вопросах веры, взывая вместе со всей Святой Православной Церковью:

«Богодухновенным Писанием и богословия проповеданием неверствующих суемудрие обличил еси, всебогате, паче же, в Православии исправляя, на стезю истинного познания наставил еси, якоже свирель Богогласная, услаждая слышащих разумы, непрестанно веселиши, Максиме досточудне, сего ради молим тя: моли Христа Бога грехов оставление низпослати верою поющим всесвятое твое усение, Максиме, отче наш», ибо Ему подобает слава вместе с Его Отцом и Всесвятым Духом во веки веков.

Аминь.

Слово на Собор Владимирских святых (23 июня / 6 июля)

Днесъ светло красуется Пресвятая Богородицы избранный град и с ним еси концы земли Владимирския торжествуют, память совершающе богопрославленнаго великаго лика святых, в подвизех Православныя веры издревле во уделе сем Богу угодивших.

Тропарь Собора Владимирских святых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня мы восхваляем Собор Владимирских святых, то есть празднуем память всех святых, просиявших своими подвигами во имя Христово в древнем русском городе Владимире и во всей Владимиро-Суздальской епархии. Праздник этот был установлен Церковью сравнительно недавно – в 1982 году, но включенные в собор святые угодники уже давно почитаются всеми православными христианами мира. Это праведники из всех сословий и званий: *благочестивые князья* Борис и Глеб († 1015), Константин и Ирина Муромские († 1129), Михаил и Феодор Муромские (XII), Борис Туровский († ок. 1160), Изяслав († 1165), Мстислав Киевский († 1172), Андрей Боголюбский († 1174), Глеб Владимирский († 1174), Михаил Владимирский († 1176), Мария (в иночестве Марфа † 1206), Петр и Феврония Муромские († 1228), Георгий (Юрий) Владимирский († 1238), Василько Ростовский († 1238), Всеволод, Мстислав, Владимир, Димитрий, Агафия, Феодора, Мария и Христина Владимирские († 1238), Феодор Владимирский († 1246), Евфросиния Суздальская († 1250), Святослав Владимирский († 1253), Александр Невский († 1263), Димитрий Владимирский († 1269), Димитрий Александрович Владимирский († 1294), Евдокия Владимирская (XIV), Феодор Стародубский († 1330), Васса (в иночестве Феодора) Нижегородская († 1378), София Суздальская († 1542); *святители* Феодор Ростовский († 1023), Иоанн Ростовский († 1214), Симон Печерский († 1226), Серапион Владимирский († 1275), Феодор Ростовский († 1286), Василий Рязанский († 1295), Максим Киевский († 1305), Алексей Московский († 1378), Кирилл Ростовский († 1384), Дионисий Суздальский († 1385), Иона Московский († 1461), Арсений Элассонский († 1627), Софроний Суздальский († 1654), Митрофан Воронежский († 1703), Иларион Суздальский († 1707); *пре-*

подобные Никита Переяславский († 1186), Илия Муромец Печерский († ок. 1188), Пахомий и Феодосий († 1237), Даниил Успенский († 1238), Феодосия (в иночестве Евфросиния † 1244), Михаил-верижник Вязниковский († 1333), Сергей Радонежский († 1392), Роман Киржачский († 1392), Пахомий Нерехтский († 1384), Евфимий Суздальский († 1404), Стефан Махрицкий († 1406), Никон Радонежский († 1426), Косма Яхромский († 1492), Иов Владимирский (XV), Аркадий Вязниковский († 1592), Прохор и Вассиан Ястребские († 1592), Феодосия Муромская (XVII), Дионисий Переяславский († 1645), Лукиан Александровский († 1654), Корнилий Александровский († 1681), Зосима Александровский († ок. 1713); мученик Авраамий Болгарский († 1229), священномученик Митрофан († 1238), священномученик Патрикий († 1411), праведные Савва Мошокский († 1592), Георгий и Иулиания Муромские († 1604), Карп Медушский, Ковровский (XVII), блаженные Парфений († 2-я пол. XVI в.), Киприан († 1622), Евдокия († 1776). И все они – мужчины и женщины, священнослужители и миряне, монахи и люди семейные – независимо от времени и обстоятельств жизни дают нам замечательные примеры подлинной жизни во Христе.

Первые по времени из числа святых угодников Собора Владимирских святых – благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб – в то же время и одни из первых православных святых, прославленных в Русской земле. Эти молодые князья на первый взгляд не успели совершить ничего великого, значимого для своей страны; однако их житие и особенно страдальческая кончина являют нам удивительный пример любви к ближнему и поставление этой любви выше любых политических соображений и даже собственной жизни.

Борис и Глеб были сыновьями первого христианского князя Руси – святого равноапостольного Владимира (960-1015). Креститель Руси, по-видимому, желал видеть Бориса, юношу умного, талантливого и весьма благочестивого, своим преемником на великокняжеском престоле. Но, внезапно скончавшись, Владимир так и не успел объявить свою волю, и власть в Киеве захватил его приемный сын, жестокий и властолюбивый Святополк. Борис, княживший тогда в Ростове, не желая становиться причиной братоубийственной войны и связанных с ней народных бедствий и людских смертей, признал власть брата, даже несмотря на то, что войско готово было поддержать самого Бориса в борьбе за престол. Примеру его последовал и его младший единокровный брат Глеб, князь Муромский. Однако подозрительный Святополк не удовлетворился этим и, желая обезопасить себя, решил уничтожить всех своих братьев как возможных претендентов на Киевский стол. Подосланные им убийцы предали злой смерти братьев Бориса и Глеба. Нашлись, правда, люди, успевшие в последний момент предупредить молодых князей о коварстве Святополка; но даже и тогда, уже зная о своей грядущей гибели, эти благочестивые христиане не согласились начать междоусобную брань. Святополк же недолго радовался столь несправедным путем приобретенной власти – вскоре он был изгнан из Киева, и на престол взошел другой сын Владимира, святой Ярослав, впоследствии получивший прозвище Мудрый за свое поистине мудрое многолетнее правление Русской землей. А святые страстотерпцы на долгие годы стали примером для многих поколений русских князей. Неслучайно в Ростовской, Владимирской, Суздальской и Муромской земле просияло такое множество святых благоверных князей и княгинь.

Как не хватает в наше время таких же правителей и государственных мужей, какими были страстотерпцы Борис и Глеб, – думающих прежде всего не о собственных власти и славе, но о благе родной земли, родного народа! Да и в нашей с вами жизни, отцы, братья и сестры, разве не бывает случаев, когда необходимо пожертвовать собственным благом ради блага ближних? И ведь очень редко это бывает нечто по-настоящему великое – жизнь, свобода, здоровье, все наше состояние... Чаще всего от нас требуется совсем небольшая жертва – может быть, даже просто несколько минут нашего времени, которое мы в других ситуациях с готовностью «убиваем» без пользы в пустых разговорах и занятиях... Но как часто мы оказываемся готовы

пожертвовать даже такой малостью? Увы, гораздо чаще мы видим только себя и собственные интересы и находим тысячи оправданий, чтобы не делать этого...

Но не устоять благочестивым правителям без Церкви и благочестивых пастырей и наставников. И такими пастырями, такими наставниками тоже всегда богата была Владимирская и Суздальская земля. Замечательный пример тому подал, например, святитель и священномученик Митрофан, епископ Владимирский и Суздальский, – истинный пастырь Христов, *положивший жизнь свою за овец (Ин. 10, 11)*.

Игумен Рождественского Владимирского монастыря Митрофан взошел на епископскую кафедру Владимира в страшное для Руси время. Шел 1227 год; на Русскую землю, раздробленную, обескровленную постоянными междоусобицами, надвигались полчища доселе неведомого русичам народа – кочевников-монголов.

В 1236 году начался так называемый Западный, или Кипчакский, поход монголов, и уже в 1237 году, разгромив болгар, монгольское войско под предводительством хана Батыя вторглось на Русь и в феврале 1238 года осадило Владимир, не пожелавший добровольно сдаться захватчикам.

Архиепископ Митрофан, как и подобает пастырю, все это время был рядом со своей паствой, молясь за нее, ободряя ее, поддерживая в людях решимость оборонять родную землю и не пятнать душу предательством. Когда же в неделю мясопустную, 7 февраля, вскоре после заутрени, началось наступление татар, святитель вместе с великокняжеской семьей и горожанами заперлись в Успенском соборе. Собравшиеся приняли от архиепископа Митрофана иноческое пострижение, исповедались, причастились Святых Таин и приготовились к смерти. Татары завладели городом и, придя ко храму, в котором находился святитель с князьями и народом, взломали двери, разложили костры вокруг храма и в самом храме и разожгли огонь. Тогда святитель Митрофан, воскликнув: «Господи, простри невидимую руку Свою и приими в мире души рабов Твоих!», благословил всех на неизбежную смерть. Все бывшие в соборе умерли от дыма и неприятельских мечей. В том числе погибли, не сдавшись врагу, все домочадцы великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича: его супруга Агафия и дети Всеволод, Мстислав, Владимир, Димитрий, Феодора, Мария и Христина.

А ведь если подумать, княжеская семья – так же как и священномученик Митрофан – могла бы еще спастись, если бы согласилась добровольно сдаться в плен монголам. Самого Юрия Всеволодовича в это время не было в городе; он вместе со своим племянником и союзником Васильком Ростовским собирал за Волгой полки, чтобы ударить с ними по монголам (чуть позже эти полки действительно дали монголам бой на реке Сити и, хотя потерпели поражение, все же нанесли немалый урон ордынскому войску). Конечно, монголы не могли не знать или, по крайней мере, не догадываться о намерениях великого князя Владимирского; он представлял для них немалую опасность, а потому его семья и епископ его города, захваченные живыми, стали бы для ордынцев настоящей находкой – ведь, держа их в плену, в своей власти, монголы получили бы возможность влиять на князя, склоняя его если не к подчинению, то хотя бы к отказу от военных действий. Не раз уже так случалось в прошлом, что, захватив княжескую семью, враги добивались немалых выгод для себя.

Обо всем этом не могли не знать княжеские домочадцы и священномученик Митрофан. И именно потому, что знали, они и предпочли мучительную, безвременную смерть, не желая становиться препятствием на пути своего князя, мужа и отца в его борьбе против жестоких врагов родной земли. Потому-то Православная Церковь и чтит их память как святых страстотерпцев.

Имена убиенных домочадцев князя Юрия, так же как и имя священномученика Митрофана Владимирского, на долгие годы стали для русских людей символом, вдохновлявшим их на борьбу с захватчиками и на готовность ради этой борьбы, ради ближних пожертвовать собственной временной жизнью.

В житиях Владимирских святых мы находим и еще один удивительный пример верности, приведшей к святости, – хотя и верности несколько другого рода, чем в случае священномученика Митрофана и скончавшихся с ним страстотерпцев. Это житие преподобной Евфросинии Суздальской, княжны Черниговской.

Преподобная Евфросиния (в миру Феодулия; 1212–1250) была дочерью святого благоверного Михаила, великого князя Черниговского, впоследствии (в 1246 году) принявшего мученическую кончину за отказ поклониться языческим монгольским божествам. Конечно, у подобного отца и дочь выросла натурой чистой, сильной и цельной, способной хранить верность даже до смерти (Флп. 2, 8). И хотя обстоятельства ее жизни и подвиг были совсем другими, чем у святого князя Михаила, характер в них виден отцовский.

Княжна Феодулия была сосватана за юного князя Феодора Новгородского, старшего брата будущего святого Александра Невского. В 1233 году в Новгороде состоялось торжественное обручение, гости уже сидели за свадебным столом, начинался свадебный пир... Как вдруг молодой муж, вскрикнув, упал бездыханным. Что случилось с князем, почему он, юный и сильный, скончался так внезапно – мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но человеческое тело вообще очень хрупко, и внезапные смерти совсем еще юных людей случаются даже в наш век, оснащенной самыми современными технологиями медицины... «Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту, видиши бо, яко сильнии и младии умирают...» – эти древние слова покаянного канона полностью справедливы и в наше время.

Оглушенная внезапным горем, хоронила мужа Феодулия, не успевшая побыть женой и часа.

А окружающим горе юной княгини казалось напрасным: ведь она была так молода и прекрасна, так умна и благородна – несомненно, ей будет очень легко по истечении срока траура выйти замуж вторично. Женихов у нее будет не меньше, чем до свадьбы с покойным Феодором; она сможет выбрать из них любого – молодого, красивого, знатного, украшенного всевозможными талантами и ратными подвигами... Тем более что окончившийся такой трагедией первый брак Феодулии с точки зрения народных русских обычаев и взглядов не мог считаться настоящим браком. В глазах народа – и простолюдинов, и князей – жена-девственница Феодулия, по сути, оставалась незамужней девицей и не менее завидной, чем до свадьбы, невестой.

Но сама Феодулия мыслила совсем иначе. Воспитанная благочестивым отцом в обычаях христианских, она смотрела на брак не только как на временный земной союз плоти, прекращающийся со смертью. Она соединилась с Феодором перед Богом, и повторный брак стал бы изменой ему. Феодулия решила хранить верность своему покойному супругу, с которым она, как истинная христианка, верующая во Всеобщее Воскресение, надеялась встретиться в будущей жизни, – и потому вместо временного траура и затем новой свадьбы удалилась в монастырь, чтобы, подвизаясь там в молитве и трудах, готовить свою душу к переходу в вечность.

Монашеский постриг с именем Евфросиния молодая княгиня приняла в Суздальском женском монастыре в честь Положения ризы Божией Матери. Вероятно, Суздаль – удаленный как от ее родного Чернигова, так и от владений ее покойного супруга – был выбран Евфросинией для того, чтобы многочисленные родственники не могли слишком часто навещаться туда, уговаривая подвижницу оставить свои намерения, не «хоронить свою молодость и красоту» и жить, как все живут. Увы, сколько подобного непонимания со стороны, казалось бы, самых близких людей встречаются и в наше время чистые христианские души – как монахи, так и миряне, – всего лишь стремящиеся проводить свою жизнь так, как подсказывает им на данном этапе жизненного пути их христианская совесть...

Молодая монахиня с удивительной ревностью и в то же время трезвением и рассудительностью исполняла все правила монашеской жизни, заметно превосходя остальных насельниц обители твердостью разума, духовной зрелостью и воздержанием. Она не требовала особого отношения к себе как к княжеской дочери – но вскоре насельницы монастыря прониклись

таким уважением к ее добродетелям, в том числе и к ее удивительной верности покойному супругу, что стали, с благословения игуменьи, приходить к Евфросинии за советом. Посещало обитель и множество благочестивых мирян, стремившихся услышать поучения преподобной Евфросинии о любви, молитве, послушании и смирении. А когда в 1238 года полчища монголов, вторгшихся на Русь, разорили и сожгли Суздаль, нетронутой во всей округе осталась только Ризоположенская обитель... Несомненно, Господь хранил ее по молитвам преподобной Евфросинии; возможно также, что монголы, успев услышать от местных жителей о великой подвижнице – слава о ней к тому времени уже распространилась далеко, – не решились тронуть ее обитель из суеверного страха. Ведь истинная святость нередко вызывает почтение даже у язычников.

Интересно, что Собор Владимирских святых дает нам и пример того, как вроде бы чужой по крови и языку человек может стать в неродном ему краю своим и близким из-за родства духовного. Это житие святого мученика Авраамия Болгарского, Владимирского чудотворца († 1229). Хотя жизнь мученика прошла вовсе не во Владимирском княжестве, православные владимирцы вот уже много веков считают его одним из своих святых и глубоко чтят.

Мученик Авраамий был родом болгарин, то есть принадлежал к тюркскому народу болгар – предков современных татар, – проживавших на берегах Волги, в окрестностях современной Казани. По вероисповеданию болгары были мусульманами; исповедовал ислам и Авраамий (имя его до крещения неизвестно). Он был богатым купцом и, посещая по торговым делам различные города Поволжья, общался с самыми разными людьми. Много торговал он и с русскими купцами из Владимирской земли, от которых и услышал о христианской вере.

Рассказы эти взволновали душу Авраамия – человека богобоязненного, доброго, справедливого и милостивого, всем сердцем стремившегося к Богу. Все больше узнавая о Христе, Авраамий, наконец, принял решение креститься.

Но и после Крещения Авраамий не успокоился. Сердце его болело о соплеменниках, все еще не знавших Христа. И он решил отправиться в столицу Волжской Булгарии – город Булгар, – чтобы там проповедовать местным жителям Христову веру...

Однако соплеменники Авраамия схватили и начали сначала ласково, а потом с угрозами уговаривать вернуться в ислам. Но на все угрозы мученик отвечал, что ради Спасителя своего Христа готов лишиться не только всего своего имущества, но не пожалеет и собственной жизни.

Тогда Авраамия жестоко избили и бросили в темницу, где продолжали истязать в течение многих дней. Но мученик и тут оставался непреклонным. Тогда мучители, потеряв терпение, вывели его из города и убили.

Русские купцы, бывшие в это время в Булгаре, похоронили тело мученика, а спустя год великий князь Владимирский Юрий Всеволодович торжественно перенес честные мощи Авраамия во Владимир, где память святого угодника с тех пор благоговейно чтят. Святой мученик Авраамий – живое свидетельство истинности слов апостола Павла о том, что *в Церкви нет ни эллина, ни иудея... но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11). Об Авраамии говорят и эти слова апостола: *Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу* (Еф. 2, 19).

И что еще скажем? Достанет ли времени повествовать о множестве других святых Владимирской земли?

О святом благоверном князе Андрее Боголюбском (1111–1174), основателе Владимирского великого княжения, возродившего в XII веке на северо-востоке тогдашней Руси сильную русскую государственность? Он пал от рук взбунтовавшихся изменников, но оставил своим преемникам то, из чего позже выросло великое Российское государство.

О святителе Дионисии Суздальском (1300–1385), стараниями которого во второй половине XIV века во Владимиро-Суздальской земле расцвело «учение книжное и благолепие церковное»? Возведенный в митрополиты всей Русской земли, святитель скончался в плену,

задержанный враждебно настроенным литовским князем. Его мощи почивают в Киево-Печерской Лавре, но его благословение и ныне пребывает на городах и весях Владимирской и Суздальской епархии.

О святой Иулиании Муромской, Лазаревской (1530–1604)? Многие православные знают о ее аскетических и молитвенных подвигах, но помним ли мы о ее великом подвиге любви к ближнему, выразившемся в том, что все запасы, накопленные в доме святой, были без остатка розданы для спасения от смерти тех, кто голодал в годы правления Бориса Годунова, во время печально известного «великого голода» 1600–1604 годов?

О святителе Арсении Элассонском (1550–1625), оставившем родную Грецию и перебравшемся в славянские земли ради того, чтобы поддержать в них колеблемую смутами Православную веру? По преданию, в годину Смутного времени именно ему прежде многих других явился преподобный Сергей Радонежский, предрекший скорое освобождение Москвы от иноземных захватчиков...

Можно ли исчислить всевозможные подвиги Владимирских святых? Думаю, не стоит и задаваться таким вопросом. Гораздо важнее вопрос о том, можем ли мы достойно почтить их...

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Будем же стараться уподобиться святым угодникам земли Владимирской в их смирении, любви к родине, в их готовности пожертвовать всем ради служения Господу и ближним, в их верности Христу *даже до смерти* (Флп. 2, 8). Будем выполнять и их наказы, стараясь изучать собственную веру, жить по Христовым заповедям, учить основам христианского учения своих детей и внуков и не поступаться верностью Христу ради угождения духу века сего. В нелегком духовном делании будем просить помощи и укрепления Божия, а также и молитвенного предстательства за нас всего Собора Владимирских святых, взывая вместе со всей Церковью:

«Яко звезды пресветлая Церкве Российския, исповеданием Православной веры в той возсиявший, вси святии земли Владимирския: Богомудрии святителие и благовернии князи, преподобнии отцы и матери, страстотерпцы и праведницы, Христу Богу усердно молитесь, грехов оставление даровати любовию чтущим святую память вашу».

Богу же нашему слава, честь и поклонение всегда, ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

Слово в день памяти святых благоверных князя Петра (в иночестве Давида) и княгини Февронии (в иночестве Евфросинии), Муромских чудотворцев (25 июня / 8 июля)

Ангелами земными и людьми небесными воистину явились блаженные Петр и Феврония, от юности вашей чистую совесть имущие к Богу, достойно в благочестии и чистоте вместе прожившие, нам же оставившие в пример подражания житие ваше богоугодное.

Акафист святым Петру и Февронии¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Возлюбленные о Господе отцы, братья и сестры!

Великий учитель Церкви, святитель Григорий Богослов (330–389), вдохновленный Божественной любовью, писал одному из своих братьев по вере: «Смотри, что дает людям союз любви, мудрый брак. Кто научил мудрости? Кто исследовал таинственное?.. Кто, как не брак, соединил море и сушу... и объединил раздельное друг от друга?» Примером такого рода мудрого брака служит христианская жизнь русских святых, запечатленная в относящейся к XVI веку «Повести о Петре и Февронии». Ее герои – ярчайшие исторические личности, своей жизнью отразившие духовные ценности и идеалы Святой Руси.

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Истинное богатство и великое счастье, когда муж и жена живут в согласии и соединены друг с другом как одна плоть... Живущих в таком супружеском союзе ничто не может слишком опечалить, нарушить их мирного счастья. Если есть между мужем и женой единокровие, мир и союз любви, к ним стекаются все блага. И злые наветы не опасны супругам, огражденным, как великой стеной, единокровием в Боге... Это умножает их богатство и всякое обилие; это возводит их на высшую ступень доброй славы; это привлекает на них и великое Божие благоволение».

¹ Перевод с церковнославянского на русский язык.

История жизни преподобных чудотворцев, благоверных князя и княгини, святых супругов Петра и Февронии Муромских много веков существовала в преданиях Муромской земли, где они жили, княжили и почил и где сохранялись их честные мощи. Со временем подлинные исторические события отчасти слились в народной памяти с легендами Муромского края. Тем не менее святые Петр и Феврония – это жившие в XIII веке реальные русские люди. Некоторые сведения о них сохранились в уцелевших летописях Муромо-Рязанской земли. Более того, летописные источники упоминают и потомков святых благоверных князей Петра и Февронии – сына и дочь благочестивых князя и княгини.

Что же касается жития самих преподобных чудотворцев, то его в XVI веке составил талантливый церковный писатель священник Ермолай (в иночестве Еразм). Сохранив в своем произведении фольклорные черты, он создал удивительно поэтичную повесть о мудрости и любви – об этих великих дарах Святого Духа тем, кто чист сердцем и смиренен.

Как известно, в отечественной православной традиции святые Петр и Феврония Муромские играют особую роль. Их жизнь – это прежде всего история отношений супругов, сумевших преодолеть все сложности долгого и трудного земного пути, явив идеал христианской семьи. Все те радости и проблемы, с которыми им пришлось столкнуться в XIII веке, актуальны и по сей день. Все тот же святитель Григорий Богослов недаром писал: «Супружество и слабого делает вдвое сильнее... Общие заботы супругов облегчают для них скорби, и общие радости восхищают обоих. Для единосущных супругов и богатство делается приятнее, а в бедности самое единодушие приятнее богатства».

Святые супруги являют нам именно те качества, которые необходимы всем, кто пытается построить настоящую семью. Неслучайно, что именно в день памяти Петра и Февронии, 8 июля, отмечается Всероссийский День семьи, любви и верности.

Святой благоверный князь Петр, как уже было сказано выше, вступил на Муромский престол в начале XIII столетия, после кончины своего родного брата Павла. Однако еще за несколько лет до этого Петр заболел тяжелой кожной болезнью. В те времена врачебное искусство на Руси (как и в большинстве стран Востока и Запада) находилось, в полном смысле этого слова, в зачаточном состоянии. И князья, и простолюдины лечились преимущественно народными средствами: травами, маслами, настоями, а главное – молитвой и покаянием, то есть обращением ко Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу – Единому Истинному Врачу душ и телес.

Долгое время никто не мог исцелить Петра от его недуга. Тяжко страдая от телесных мучений, он при всем том не оставлял упования на Божественную помощь. И Господь, промышляя о Своем рабе, направил его в окрестности Рязани. Один из приближенных Петра, посланных на поиски лекаря, способного исцелить князя, был Божиим Промыслом приведен в дом, где жила и работала благочестивая девушка по имени Феврония. Младая дева, дочь древолаза-бортника (по-современному говоря, крестьянина-пасечника), к тому времени уже была известна своим даром прозорливости и исцелений. Тщательно расспросив пришедшего о течении болезни, Феврония сказала гостю: «Приведи господина твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров».

Петра, который к тому времени уже не мог самостоятельно передвигаться, привезли к дому Февронии. По прибытии князь послал слуг выяснить, кто именно хочет его исцелить, и пообещал за исцеление любую потребную награду. «Я хочу его вылечить, – ответила мудрая дева Феврония, – но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне лечить его».

Здесь надлежит отметить, что слова святой Февронии не были безрассудной дерзостью или желанием воспользоваться тяжелым положением Петра. Дело в том, что прозорливая дева к этому времени уже получила от Бога уверение, что по Его святой воле тяжело болящий представитель славного рода Рюриковичей предназначен ей в мужа, и вспылала к нему истинной

любовью. В душе же самого Петра в ту пору боролись между собой желание получить исцеление и гордость представителя княжеской династии. В итоге он сдукавил – пообещал жениться, но в душе понадеялся на то, что, исцелившись, сможет отказаться от обещанного брака. В самом деле, какая земная сила могла побудить князя Петра сдержать свое обещание?

Феврония велела князю вымыться в бане и смазать предложенной ею хлебной закваской все образовавшиеся на коже струпья, кроме одного. Благодатная девица, по словам жития, «имевшая премудрость святых отцов», вовсе не случайно назначила именно такое лечение. Как Господь и Спаситель наш Иисус Христос, исцеляя прокаженных, слепых и расслабленных, через телесные недуги врачевал душу, так и блаженная Феврония, зная, что болезни попускаются Богом для испытания или за грехи, назначила лечение для плоти, подразумевая духовный смысл. Поскольку же прозорливая Феврония ведала горделивое лукавство Петра, она велела князю оставить несмазанным один струп как свидетельство не очищенного до конца греха.

Вышедший из бани на своих ногах полностью здоровым, Петр, разумеется, предпочел не вспоминать о данном им обещании жениться. Но не забыл о его обещании Господь и Спаситель наш Иисус Христос. Вскоре от единственного оставшегося на теле засохшего струпа болезнь Петра возобновилась. Вновь покрывшийся ужасными струпьями, вторично обезноживший больной вернулся к Февронии.

Какой же прием встретил он у своей невесты? Петра осыпали упреками и насмешками? Нет, его приняли с любовью и милосердным состраданием, а слова укора, сказанные ему Февронией, имели целью не уязвить душу болящего, а побудить его к покаянию за нарушение данного пред Богом обещания. Разумеется, Петру не было отказано в повторном лечении, результатом которого вновь стало полное исцеление.

И тогда в душе Петра, ставшего как раз около того времени Муромским князем, стало разгораться пламя любви к исцелившей его простой крестьянке Февронии. Кстати, с исторической точки зрения в этом нет ничего удивительного. Русские князья, в отличие от западноевропейских монархов, нередко именно по любви создавали семейные союзы с женщинами из простого народа. В конце концов, сам Креститель Руси святой равноапостольный великий князь Владимир (978-1015), как известно, был сыном рабыни...

Потому даже с чисто исторической точки зрения неудивительно и, более того, совершенно закономерно, что плодом взаимной любви Петра и Февронии вскоре стал их христианский брак. «И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди».

Однако, как мы с вами знаем, только в сказках искушения и испытания любящих друг друга супругов заканчиваются в день свадьбы. В реальной жизни со вступлением в брак настоящие испытания, как правило, только начинаются. Применительно к святым Петру и Февронии об этом глубоко верно повествует современный жизнеописатель благоверной двоицы Алексей Львович Беглов:

«Период узнавания, когда двое людей шли навстречу друг другу, как бы прекрасен сам по себе он ни был, – все же только прелюдия к семейной жизни. С момента заключения брака для этих двоих начинается принципиально иная жизнь, полная своих радостей, но и особых, неизвестных до этого молодым испытаний. Именно на испытаниях, выпавших на долю Петру и Февронии, сосредоточивает свое внимание Ермолай-Еразм. Он делает это потому, что в таких ситуациях наиболее отчетливо обнаруживается путь следования заповедям Божиим.

Первое испытание, которому подвергаются Петр и Феврония (как и все молодые семьи), – это испытание бытом, а именно разностью привычек и бытовых навыков, которые каждый из них получил в процессе воспитания и накопил за время самостоятельной жизни. Встреча и узнавание друг друга не могут обнаружить эту разницу в мелочах, которая существует между молодыми людьми; выявить и со временем сгладить ее может только совместная жизнь; причем

окружение молодых может как облегчить, так и усложнить процесс привыкания их друг к другу и стирания этой разницы. Именно второй вариант мы наблюдаем в жизни Петра и Февронии.

Мы застаем их в то время, когда Петр начал княжить в Муроме после смерти своего брата Павла. И тогда разница в происхождении и воспитании, существовавшая между ним и Февронией, становится поводом для следующего происшествия».

Некто из служащих благоверной княгине Февронии пришел к благоверному князю Петру с наветом, будто княгиня «от каждого стола своего без чину отходит: когда встает, собирает в свою руку хлебные крошки, будто она голодная». Жест, вполне естественный для бывшей крестьянки, да и для любого простого русского человека того времени. Многие из пожилых людей до сих пор сохранили соответствующую привычку – не оставлять на столе крошек.

Благоверный князь Петр, желая убедиться в этом, повелел супруге обедать вместе с ним за одним столом. По окончании обеда княгиня Феврония, по обычаю, смела со стола крошки в свою руку. Тогда князь Петр взял ее за руку и с любовью разжал сложенную в горсть ладонь. Однако вместо хлебных крошек Петр увидел на ладони Февронии драгоценные в ту эпоху благовония – фимиам и ладан. С того дня, как повествует «Повесть о Петре и Февронии», князь никогда более не слушал наветов приближенных на свою супругу.

В чем же, согласно современному житию, состоял смысл описанного события?

«Петр, хотя и мягко, желал укорить и отучить супругу от ее привычки. Своим жестом он как бы хотел сказать: “Посмотри! Ради чего ты это делаешь? Это только крошки!” И тогда то, что только что было крошками, оказывается благовониями. Жест Петра, в котором можно уловить оттенок превозношения над женой и, может быть, уже приготовленное поучение, оказывается бессмысленным: “обычай” жены, пусть не соответствующий привычкам супруга и даже противоречащий придворному этикету (этот “чин” только человеческое установление), свят и должен приниматься мужем с благоговением или же исправляться с терпением и без превозношения над нею. Тем более он не должен принимать чьих-то наговоров на супругу. Вспомним мудрые слова святителя Иоанна Златоуста, который подчеркивал: “Жены, светящиеся душевной красотой, со временем все более обнаруживают свое благородство, и тем сильнее становится привязанность и любовь их мужей”.

Всякий третий для мужа и жены – посторонний. Петр “от того дня” перестал “искушать” Февронию, проверять, соответствует ли ее поведение некоему порядку, принятому в его доме. В их отношениях главными стали любовь и обоюдное терпение, а не желание подчинить другого собственным привычкам».

Однако «испытания возникают не только внутри семьи – часто они приходят и извне. Такое испытание постигло и семью князя Петра. Через много лет, когда мир и любовь были уже постоянными гостями в его доме, знать Муромы воздвигла гонение на свою княгиню».

Спустя много времени после чуда с ладаном и фимиамом к князю Петру пришли разъяренные бояре, сказавшие: “Хотим все, княже, праведно служить тебе и господином иметь тебя, но княгини Февронии не хотим, да не господствует над женами нашими. Если хочешь князем быть, пусть будет у тебя иная княгиня. Феврония же, взяв потребное себе богатство, пусть идет, куда сама хочет”. Блаженный же Петр, не в обычаях которого было гневаться на подвластных отвечал: “Предложите это Февронии, и тогда послушаем, что она скажет”».

По словам современного жития святых Муромских чудотворцев, «бояре не просто требуют выдворения Февронии, с самых первых своих слов они мыслят супругов отдельно: “Хотим, чтоб Петр остался, Феврония же – ушла; возьми себе другую жену, не все ли тебе равно!” С самого начала они как бы не берут в расчет, что их князь и княгиня – муж и жена, что они одно, что люди не могут их разлучать; с самого начала они пренебрегают браком как Таинством, как Божиим установлением.

Нас может удивить: почему Петр отправляет бояр к Февронии, почему он сразу не отказывает им? Ответ Петра свидетельствует об одной из важнейших черт христианского брака,

а именно о том, что каждый из супругов имеет над другим власть. Причем власть эта распространяется на самые сокровенные стороны личности другого. Бояре ставят вопрос так: или ты, Петр, князь, или муж Февронии. Разумеется, Петр – князь, государь по призванию. Он, по свидетельству самих бояр, обладал всеми необходимыми качествами, для того чтобы быть во главе Муромского княжества, наверняка он имел к этому и личную склонность. Более того, он был поставлен на это место Божиим Промыслом. Но именно в вопросе, быть ли ему князем, то есть следовать ли ему его – природному и Божественному – призванию, он обращается за советом к жене. Ей делить с ним все тяготы его пути, поэтому она имеет право дать согласие на путь своего мужа или закрыть для него этот путь.

И вот бояре устраивают пир, надеясь получить у Февронии согласие покинуть город, когда ум ее, возможно, будет отуманен вином».

Как гласит «Повесть о Петре и Февронии», бояре «...умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И егда же быша веселы, начата простирати... своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святой Божий дар, его же ей Бог и по смерти неразлучна обещал есть».

Вникнем же в суть происходящего. «Бояре не просто имеют в виду политическую выгоду и потворствуют тщеславию своих жен, но исподволь посягают на нечто большее: они дерзают разлучать мужа и жену, отнимать у Февронии Божий дар, “его же ей Бог и по смерти неразлучна обещал есть”». Эти слова можно повторять вновь и вновь, напоминая каждому живущему в браке драгоценность того дара, которым он обладает.

Феврония знает его ценность. Она не возмущается требованием бояр: ведь «княжение – ценность временная». Она соглашается на то, чтобы сложить с себя достоинство княгини. Но при этом, в свою очередь, сама требует от бояр дать ей то, что она попросит у них.

Обрадованные бояре обещают ей любые сокровища. Но Феврония «не хочет богатства, потому что желает только одного сокровища: “Ничего иного не прошу, – говорит Феврония, – только супруга моего князя Петра!”».

И тогда блаженный князь Петр «не возлюбил временного владычества, в нарушение Божиих заповедей, но по заповедям Его шествуя, держась сих», сказал словами евангелиста Матфея: *кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Иными словами, Петр предпочел отказаться от княжеской власти и удалиться вместе с супругой в добровольное изгнание.

Современный исследователь жития святых Муромских чудотворцев отмечает, что «главное в этом эпизоде – причины выбора, сделанного супругами. Петр не утверждает “примат личного над общественным”, а просто следует в своих поступках христианскому закону любви и милосердия. В сложной ситуации, когда можно попытаться схитрить или подчиниться рациональным, эгоистическим соображениям, князь повинует закон сердца. Супруга дана ему Богом, и он не может идти против воли Божией. Князь ищет не личной пользы, не выгоды, но пытается следовать путем, который ведет его – вместе с женой – к Творцу. Поэтому он полагается на Бога, Который дал ему жену и Которому он полностью доверяет».

Изгнанные супруги вместе с сохранившими им верность слугами поплыли по реке Оке на двух судах. Некий человек, плывший вместе со своей семьей, был одолеваем блудными помыслами в отношении княгини Февронии. Святая жена прозорливо разгадала его помыслы. Стремясь помочь одолеваемому блудным бесом человеку, она сказала: «Почерпни воду с одной и другой стороны лодки». Тот исполнил просимое. «Испей ту воду», – промолвила княгиня. Человек испил воды. «Одинакова ли вода с обеих сторон или одна слаще другой?» – спросила тогда Феврония. «Одинакова», – отвечал испивший. «Так и естество женское одинаково, – молвила Феврония. – Почему же ты, позабыв свою жену, помышляешь о чужой?» Устыженный человек вразумился и покался в своем греховном вождении.

Таким образом, и, претерпевая бедствия изгнания, святая Феврония пеклась о спасении душ и телес тех, кто разделял с ними горечь вынужденной разлуки с родимым домом.

Во время путешествия князь Петр делился с супругой грустными мыслями о незавидной судьбе, ожидающей изгнанного князя и его дом. Но мудрая и добрая жена ласково утешала его: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и Заступник всех, не оставит нас в беде!» Во время приготовления ужина повар, чтобы повесить котлы, срубил два маленьких деревца. Когда окончилась трапеза, княгиня благословила их обрубки словами: «Да будут они утром большими деревьями». Наутро так и случилось. Этим чудом она хотела укрепить супруга, провидя их судьбу. Ведь *коли для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет* (Иов. 14, 7), то тем паче человек, надеющийся и уповающий на Господа, может получить чудесное избавление от бедствий в этой жизни и вечное спасение в жизни будущего века.

Не успели они проснуться, приехали послы из Муром, умоляя Петра вернуться на княжение. Бояре поссорились из-за претензий на власть, в городе пролилась кровь, многие зачинщики изгнания княжеской четы были перебиты, и теперь жители Муром искали мира и спокойствия в восстановлении власти святого князя. Вняв общенародной мольбе, блаженные Петр и Феврония со смирением возвратились в свой город и возобновили свое благочестивое правление.

Как упомянутые выше события можно оценить с исторической точки зрения? Несомненно (и это подтверждается самой «Повестью о Петре и Февронии») в данном случае имел место боярский заговор против княжеского правления в Муроме. Это, собственно говоря, совершенно рядовое, по меркам тогдашней Руси, событие. Князей нередко изгоняли не только в Новгороде, но и в Киеве, Полоцке, Смоленске, Чернигове, Галиче и даже во Владимиро-Суздальской земле. Как раз в первой трети XIII века имела место попытка заменить на Галицко-Волынском княжеском престоле тамошнюю ветвь династии Рюриковичей одной из местных боярских династий. Так что сам ход изложения событий в «Повести о Петре и Февронии» подтверждает их историческую реальность.

Думается, бояре прекрасно понимали, что князь Петр не расторгнет благословленный Церковью брак, а требование о его разводе выдвигали лишь для придания «приличного вида» своим мятежным поползновениям и вящего унижения княжеской четы. Подвиг святых Петра и Февронии поэтому состоял еще и в том, что они не стали мстить за себя, за посягательство на их любовь, а предоставили попечение о себе Господу. Как гласит современное житие святых Петра и Февронии, «они уповают на Бога и верят Ему – вот самая “несовременная”, но самая важная характеристика их отношений. Супругами при этом руководит не эгоизм и поиски удобного для себя, но вера и надежда на Того, Кто дал им жизнь и благословил их брак».

И Господь Иисус Христос не замедлил прийти на помощь Своим избранникам.

Как это нередко бывало в том же Галиче или Владимире, захватившие власть бояре немедленно перессорились между собой. В стремлении к высшей единоличной власти наиболее могущественные из них со своими людьми напали друг на друга и ввергли стольный град Муромской земли в хаос междоусобной брани. После взаимного истребления вождей мятежа образумившаяся боярская «элита» была принуждена народом к согласию на возвращение изгнанного князя и его супруги – история, довольно типичная для многих древнерусских земель.

Правление святых Петра и Февронии в Муроме продолжалось почти до конца первой трети XIII столетия. Сохранились летописные свидетельства о том, что князь Петр принимал участие в подавлении мятежей удельных князей против великого князя Владимирского, неизменно удачно действуя в пользу законной великокняжеской власти. В то же время ему удалось уберечь свое княжество от участия в кровопролитных междукняжеских усобицах представителей Рязанской ветви Рюриковичей, к которым принадлежали и Муромские князья.

Когда же пришла старость, а с нею и болезни, не позволявшие более нести бремя княжеской власти, святые Петр и Феврония, по обычаю того времени, приняли монашество.

За краткое время достигнув немалых высот в монашеских подвигах, супруги умолили Бога призвать их к себе в одно и то же время и завещали похоронить вместе в специально приготовленном гробу с тонкой перегородкой посередине. Автор современного жития преподобной двоицы, Алексей Львович Беглов, отмечает, что «повелением этим, в сущности, и разрешается неразрешимое будто бы противоречие между браком и монашеством. Супруги, даже и облаченные “во монашеския ризы”, желают умереть одновременно не только потому, что они продолжают любить друг друга, но еще и потому, что браком, согласно воззрениям Церкви, муж и жена соединяются “в одно существо – в одного человека с одной душой, но в двух лицах”».

Петр и Феврония скончались в один день и час, каждый в своей келье. Но народ муромский посчитал нечестивым хоронить в одном гробу монахов и посмел нарушить волю усопших. Дважды их тела разносили по разным могилам в разных храмах, но каждый раз они чудесным образом оказывались рядом. Наконец, святых супругов погребли вместе около собора Рождества Пресвятой Богородицы. Сразу же после этого на их могиле стали происходить чудесные исцеления. В середине XVI века состоялась канонизация святых благоверных князя и княгини, любящих супругов и преподобных чудотворцев Петра и Февронии Муромских.

Со дня своего успения и вплоть до сего дня святые через свои честные мощи (ныне покоящиеся в Свято-Троицком женском монастыре города Муроме) являют многочисленные чудеса тем, кто с верой обращается к ним. В жизни своей они были образцом христианского супружества, готовые на все лишения ради соблюдения Евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак.

Да, Петр и Феврония прожили вместе долгие годы, и, наверное, им пришлось столкнуться с немалым количеством трудностей столь мелких и многочисленных, что ни один летописец никогда не стал бы фиксировать их. Однако именно мелочи, как правило, становятся причиной охлаждения отношений между супругами. Петр и Феврония – люди, прошедшие через эти трудности и сохранившие взаимную любовь во многом потому, что она перестала быть просто земным чувством двух людей. Земная любовь мужчины и женщины переросла в вечную любовь, которая победила саму смерть.

Для Русской Православной Церкви святые Петр и Феврония Муромские имеют большое значение в первую очередь как символ особого духовного пути, на котором постижение Бога неразрывно связано с отношениями двух людей. Супруги созданы друг для друга, их соединение само по себе воплощает Божественный замысел. Ведь по словам святителя Григория Богослова, «составляя единую плоть, [супруги] имеют и одну душу и взаимной любовью пробуждают друг в друге усердие к благочестию. Ибо супружество не удаляет от Бога, а, напротив, более привязывает, потому что имеет больше побуждений обращаться к Нему». Но это соединение невозможно, если человек не видит в другом человеке неповторимую личность, созданную по образу и подобию Божию.

Князь мог бы отнестись к своей супруге как к вещи, а не как к человеку. Более того, в их положении подобный поворот был бы логичен и не встретил бы осуждения общества. Муж по факту был властителем жены. И уж тем более властителем своей жены-крестьянки являлся влиятельный и могущественный князь – потомок древнего рода Рюриковичей.

И Петру было очень непросто сломать эти стереотипы даже внутри себя. Он с трудом преодолел высокомерие в отношении жены, зачастую поступавшей не по-княжески, а по-крестьянски. Однако Муромский князь знал, зачем, для чего и на что он идет. Ведь для своей супруги он был в первую очередь не князем, а человеком. И на любовь Февронии Петр отвечал своей любовью, относясь к ней не как к вещи, а как ко второй половине самого себя.

И такое исполненное любви отношение супругов друг ко другу еще в этой жизни принесло им обильную награду от Господа. Широко распространено представление, что настоящий христианин должен в земной жизни исключительно страдать, быть несчастным, дабы накопить «духовный капитал» для жизни будущей. Однако история русских святых Петра и Февронии опровергает такого рода подход. Жизнь во Христе становится для них настоящим счастьем, которое они находят в любви друг ко другу.

Навеки соединившись на земле, они обрели и Божественную вечность. Ведь как писал святитель Иоанн Златоуст, «и в будущем веке верные супруги безбоязненно встретятся и будут пребывать вечно со Христом и друг с другом в великой радости». Выражаясь его словами, «любовь изменяет само существо вещей», ибо *любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8), ибо Сам Бог есть любовь (1 Ин. 4,8), ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков.

Аминь.

Слово на обретение мощей преподобного Амвросия Оптинского (27 июня / 10 июля)

*Завет Пастыреначальника исполнив, старчества благодать
наследовал еси, болезнуя сердцем о всех, с верою притекающих к тебе.
Кондак преподобному Амвросию Оптинскому*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня мы вспоминаем день обретения честных мощей преподобного Амвросия Оптинского (1812–1891), одного из самых известных подвижников Русской Церкви. Преподобный Амвросий жил и подвизался в сравнительно близкие к нам времена – в XIX веке, и можно было бы сказать, что именно этой временной близостью объясняется всеобщая любовь современных православных людей к этому святому. Однако, внимательно изучив житие и поучения преподобного, мы увидим, что дело здесь в другом: не во временной, исторической близости, а в подлинно христианском, вневременном духе любви к Богу и людям, которым равно пронизана жизнь и апостолов, и первых христианских мучеников, и древних подвижников, и современных нам праведников. Лишь незначительные бытовые подробности, связанные с определенной исторической эпохой, отличают житие преподобного Амвросия от повествований о великих старцах из древних Патериков или от житий средневековых подвижников Руси и Византии.

Будущий подвижник родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии и во Святом Крещении получил имя Александр – в честь святого благоверного князя Александра Невского, чью память Православная Церковь праздновала в тот день. Отец Александра, Михаил Федорович Гренков, был пономарем, а дед Феодор – священником. О матери своей, Марфе Николаевне, преподобный впоследствии вспоминал как о человеке святой жизни, благочестивой христианке и добродетельной супруге. Неудивительно, что в такой семье в душу маленького Александра были с первого дня жизни вложены семена любви и христианского благочестия.

В детстве Александр был живым и веселым, даже озорным ребенком. Впрочем, его ребяческие проделки никогда не бывали злыми, ведь воспитывался он в православной, церковной среде, в атмосфере любви и добра, куда не допускалось ничего злого и грязного, могущего развратить восприимчивую детскую душу.

Читать и писать Александра выучил отец по Часослову и Псалтири. Вскоре смысленный мальчик уже помогал отцу на клиросе. Когда же Александру исполнилось двенадцать лет, родители определили его в Тамбовское духовное училище. Окончив училище в 1830 году, Александр поступил в Тамбовскую семинарию, желая, как и его дед и отец, служить Церкви. Преподаватели училища и семинарии не могли нарадоваться на способного ученика. Вот что говорил об Александре один из его семинарских товарищей: «Гренков мало занимается, а придет в класс, станет отвечать, точно как по писаному, лучше всех». Александр очень любил изучать Священное Писание, богословие, историю и словесность (филологию). Но успехи в учебе не вскружили голову юному семинаристу, не заставили его, как это нередко бывает, возгордиться и поглядывать свысока на менее способных однокашников. Веселый, живой юноша, любивший пошутить и посмеяться, был душой компании и отличным другом.

О монашестве Александр в то время совсем не думал. Однако многие его знакомые – вероятно, старшие и духовно опытные – предрекали (как впоследствии вспоминал сам старец), что юноша непременно будет пребывать в монастыре.

За год до окончания семинарского курса Александр тяжело заболел, надежда на выздоровление была очень мала. Близость смерти и телесные страдания заставили юношу по-новому взглянуть на свою жизнь. «Я сказал: “Прощай, Божий свет!” И тут же дал обещание Господу: если Он воздвигнет меня от одра болезни, я непременно пойду в монастырь», – вспоминал преподобный.

Однако, даже окончив семинарию, Александр не сразу решился отречься от мира. Поэтому он не принял сана, а поступил на место домашнего учителя в одно помещичье семейство, где и пробыл полтора года. В 1838 году освободилось место преподавателя в Липецком духовном училище, и Александр занял эту должность.

Однако воспоминания о неисполненном обете по временам терзали его совесть. Александр и хотел бы исполнить свое обещание, и не решался, опасаясь, не было ли оно сделано слишком поспешно, – ведь нет ничего хуже, чем принять монашество и затем понять, что не способен или не готов идти по этому благодатному, но тернистому пути.

Вот что впоследствии говорил сам старец об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлять своей словоохотливости... Придешь домой – на душе беспокойно; и думаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости и опять наболтаешь. И так я мучился целых четыре года».

Стремясь понять волю Божию о себе, Александр начал почаще уединяться для молитвы, прося Господа и Божию Матерь просветить его и направить на верный путь. Чтобы не привлекать к себе любопытное внимание коллег и учеников столь продолжительными молитвами, молодой преподаватель уходил молиться на чердак, а в хорошую погоду – в лес.

Наконец, Александр решился прибегнуть к духовному совету. Летом 1839 года вместе со своим другом П. Покровским он отправился на богомолье в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и посетил там известного затворника, старца Илариона. Старец ласково принял молодых людей, а на вопросы Александра ответил: «Иди в Оптину – и будешь опытен. Ты там нужен».

Выйдя от старца, Александр отправился к мощам основателя обители – преподобного Сергия Радонежского, дабы в молитве испросить благословения на новую, иноческую жизнь. Во время молитвы его охватило предчувствие какого-то необыкновенного счастья, и решение оставить мир, чтобы служить Господу, окончательно окрепло в его душе.

Впрочем, по возвращении в Липецк мирская суэта вновь захватила молодого человека, и он некоторое время продолжал «жаться», не вступая на монашеский путь. Но однажды, в то время как Александр, будучи в гостях у друзей, занимал собравшихся какими-то веселыми историями, перед его внутренним взором с необыкновенной ясностью возникли слова мудрого старца Илариона. Воспоминание о неземной радости, испытанной им у гроба преподобного Сергия, заставило молодого человека вновь осознать, что именно в монастыре его настоящее призвание.

Опасаясь, что родные и друзья станут отговаривать его от принятия монашества и тем вновь поколеблют его решимость, Александр никому не сказал о своем намерении, не сообщил об этом ни начальству училища, ни даже епархиальному архиерею. Втайне ото всех он наскоро собрался и уехал в Оптину пустынь. Лишь по прибытии туда он доложил Тамбовскому архиепископу о своем решении вступить в число оптинской братии. Произошло это в октябре 1839 года.

Оптина пустынь переживала тогда эпоху своего расцвета. В обители подвизались такие столпы монашества, как игумен Моисей, старцы Лев и Макарий Оптинские, прозорливый подвижник Антоний.

Поистине Александру было здесь у кого поучиться иноческой жизни, молитве и добродетелям.

Новоприбывшего юношу с отеческой любовью принял духовник оптинской братии, старец схииархи-мандрит Лев, благословив его жить в монастырской гостинице. Александр ежедневно навещал старца, слушал его наставления, тем готовя себя к монашеской жизни, а в свободное время, по благословению отца Льва, переводил с греческого языка на русский литературу духовного содержания.

Наконец, 2 апреля 1840 года вышел указ Калужской духовной консистории о зачислении Александра Михайловича Гренкова в число оптинской братии, и молодого человека вскоре облекли в послушнические одежды.

Александр стал келейником старца Льва, исполняя при нем также обязанности чтеца: по старческой своей немощи отец Лев уже не мог сам прочитывать все молитвы монашеского правила, равно как и посещать церковные службы в храме обители, и келейник читал ему вслух положенные молитвословия. Старец очень полюбил доброго, кроткого и умного юношу, и Александр отвечал ему тем же. Это было поистине духовное сыновство: когда в ноябре 1840 года послушника Александра перевели из монастыря в скит, под руководство старца Макария, юноша все равно продолжал приходить в монастырь к своему духовному отцу за советом и наставлением. Многому научился молодой послушник у своего старца: смирению, горячей, деятельной любви к Богу, рассудительности, столь необходимой в духовной жизни...

Незадолго до своей мирной кончины старец Лев, видимо прозревая духовными очами будущую святость Александра, поручил его заботам старца Макария, говоря: «Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу – владей им, как знаешь». После кончины отца Льва Александр стал келейником старца Макария и нес это послушание в течение следующих четырех лет.

Наконец, 29 ноября 1842 года свершилось то, чего уже давно жаждала благочестивая душа Александра: он был пострижен в монахи с именем Амвросий, в честь святителя Амвросия Медиоланского. В следующем, 1843 году брат Амвросий был рукоположен во иеродиакона, а спустя почти три года, достигнув надлежащего канонического возраста, – во иеромонаха.

Вскоре после священнического рукоположения Амвросия Оптину пустынь посетил епископ Калужский Николай. Побеседовав с новым иеромонахом (ему было тогда тридцать четыре года), преосвященный сказал отцу Амвросию: «А ты помогай отцу Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская».

Амвросий, как и подобает монаху, подчинился словам епископа. Теперь ему часто приходилось принимать посетителей, приходивших за духовным советом к старцу Макарию, сообщать старцу их вопросы и затем передавать вопрошающим ответы старца. Многому научился молодой иеромонах на этом послушании. Впоследствии этот опыт очень пригодился ему в его собственной духовнической практике.

Однако послушание у старца было неожиданно прервано тяжелой болезнью Амвросия. Еще в конце 1845 года, спеша в Калугу на собственное рукоположение по холодной зимней дороге, Амвросий сильно простудился. Болезнь затронула его внутренние органы, нанеся непоправимый вред здоровью. Около года после рукоположения молодой иеромонах еще держался, но затем острый приступ старой болезни приковал его к постели, сделав инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Телесная немощь Амвросия была так велика, что он с трудом передвигался и более не мог совершать Божественную Литургию и исполнять другие священнические и монашеские послушания. Ему пришлось выйти за штат и до конца жизни числиться на иждивении обители. Питаться он мог теперь только протертой и жидкой пищей, при каждом движении покрывался испариной, так что ему приходилось менять одежду по несколько раз в сутки, а любой сквозняк вызывал новый приступ болезни.

Конечно, человеку в расцвете лет тяжело бывает смириться с подобной беспомощностью. Однако Амвросий никогда не роптал на свою болезнь, а, напротив, благодарил за нее Господа. Почти прикованный к постели, не отвлекаемый повседневными попечениями, Амвросий смог глубже войти в себя, больше молиться и размышлять, учиться лучше понимать себя и других.

Впрочем, деятельная натура отца Амвросия даже «на одре болезни» не могла оставаться без практических занятий: Амвросий помогал старцу Макарию в издании святоотеческих творений, выполняя переводческую работу. Так, например, именно Амвросий перевел на общедоступный русский язык знаменитую «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника.

Под мудрым руководством старца Макария постигал Амвросий и искусство умной молитвы и, несмотря на свои молодые годы, вскоре достиг больших духовных высот. Это, как некогда успехи в учебе, могло бы заставить молодого иеромонаха возгордиться, но Макарий, как опытный духовный воспитатель и врач, заботливо следил за духовным ростом своего ученика и не давал ему уклониться в сторону от спасительного пути. Старец очень любил и уважал Амвросия, но для его же духовной пользы мог быть с ним и строг. Как-то раз один из посетителей кельи Макария попытался «заступить» за ученика, которому старец только что сделал строгое замечание: «Батюшка, он человек больной!» Старец на это ответил: «А я разве хуже тебя знаю? Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души, а без сего монах заржавеет». Сам Амвросий был благодарен своему наставнику за его строгость, понимая, как она необходима для хранения души от погибельной гордыни и воспитания монашеских добродетелей.

Прозревая святость своего ученика, старец Макарий начал постепенно готовить его себе в преемники, то есть в духовники обители. Еще при жизни старца, с его благословения, некоторые оптинские иноки начали приходить к отцу Амвросию для откровения помыслов и духовных бесед. Кроме того, Амвросию было поручено окормление монахинь Борисовой пустыни Курской губернии. Когда они приезжали в Оптину, отец Амвросий, преодолевая свою немощь, направлялся к ним в монастырскую гостиницу, дабы исповедать их и преподать пасытское наставление. Иногда, по благословению своего старца, Амвросий принимал и посетителей-мирян.

После кончины старца Макария, наступившей 7 сентября 1860 года, отец Амвросий стал духовником Оптиной пустыни, как того и желал его наставник. К этому времени Амвросий уже был пострижен в схиму.

Два года спустя Амвросия постигла новая болезнь, и он оказался окончательно прикован к постели. Даже причащаться он теперь должен был в своей келье, не имея сил дойти

до храма. Однако, несмотря на телесную немощь, старец продолжал по-прежнему принимать множество посетителей, и монашествующих, и мирян, с каждым беседуя и каждому подавая мудрый духовный совет. Беседы эти занимали более двенадцати часов в день. Даже полностью здоровому человеку такой труд показался бы очень тяжелым – а ведь и после ухода последнего посетителя старец не предавался отдыху, но вставал на долгую молитву. Во время молитвы, по воспоминаниям его келейников, лицо старца сияло неземной радостью, как бы осиянное Божественным светом.

Конечно, подобный труд был бы невозможен без помощи Божией. И на старце Амвросии сбылись слова Господа, сказанные некогда апостолу Павлу, также страдавшему телесным недугом: *Сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9).

Господь удостоил Своего верного раба дара прозорливости. Для старца Амвросия не существовало ничего тайного, он прозревал даже то, о чем приходившие к нему забывали или не хотели упомянуть. А иногда он давал ответ еще до того, как пришедший к нему задавал свой вопрос.

Так, однажды к старцу за советом пришел молодой, недавно рукоположенный священник, которого за год до того поставили настоятелем самого бедного прихода в епархии. Священник этот сам вызвался окормлять бедный приход, желая тем послужить Господу, но спустя некоторое время у него начали появляться помыслы переменить место служения, так как терпеть столь скудную жизнь было нелегко. Старец Амвросий, едва завидя молодого иерея, приближающегося к его келье, закричал ему: «Иди назад, отец! Он один, а вас двое!» Удивившись и не понимая, что имел в виду старец (до той поры никогда не выдавший этого священника и не знавший даже его имени), иерей спросил, как следует понимать эти слова. Старец Амвросий ласково и наставительно ответил: «Да ведь диавол, который тебя искушает, один, а у тебя помощник – Бог! Иди назад и не бойся ничего; грешно уходить с прихода! Служи каждый день Литургию, и все будет хорошо!» Обрадованный и ободренный этими словами священник воспрял духом. Он вернулся на свой приход и продолжал усердно трудиться на пастырской ниве. Впоследствии за святую жизнь и духовную мудрость этого священника стали называть «вторым старцем Амвросием».

К старцу приходили самые разные люди – от бедных неученых крестьянок до знати и знаменитых писателей и философов (Достоевского, Леонтьева, Соловьева и других). Старец принимал всех одинаково ласково и внимательно, не делая никаких различий. Все вокруг него дышало Христовой любовью и радостью. Вот как впоследствии писала о старце одна из его духовных дочерей: «Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете. Сколько людей перебывало здесь! Приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаявшиеся – утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся – верными чадами Церкви».

Здесь жил батюшка – источник стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь».

Нередко старец облакал свои наставления, полные глубокой духовной мудрости, в шутиливую форму, в прибаутки, дабы не огорчить своих духовных детей и не ввергнуть их в уныние чрезмерной строгостью. Так, на вопрос «Как жить?» старец отвечал: «Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно; тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно» или «Надо жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение».

При этом из житейских добродетелей особенно высоко старец ставил добродетель смирения. «Лишь только смирится человек, – говорил он, – как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного, которое не в словах, а в силе: нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем мое почтение». «Имейте страх Божий и храните

совесть свою во всех делах ваших и поступках, более же всего смиряйтесь. Тогда несомненно получите великую милость Божию». «Когда человек понуждает себя смиряться, то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным».

Кроме устных советов, старец Амвросий писал множество писем людям, которые почему-либо не могли к нему приехать. Письма эти – настоящая сокровищница христианской мудрости. Большое внимание в них уделяется молитве и покаянию.

«Нет большего утешения для христианина, – писал старец в одном из таких писем, – как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. Молитва имеет великую силу: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает в скорбях, поддерживает и подкрепляет в унынии и отчаянии. Бог слышит каждый вздох нашей души. Он всемогущ и любвеобилен – какой мир и тишина водворяется в такой душе, и из глубины ее хочется сказать: “Да будет во всем, Господи, воля Твоя”».

В другом письме он говорил: «Вся жизнь христианина, а тем более инока, должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека. Евангелие тем и начинается, и оканчивается: “Покайтесь”. Смирненное покаяние изглаживает все грехи, оно привлекает милость Божию к кающемуся грешнику».

Несмотря на свой высочайший духовный авторитет и почтение, которое испытывали к нему православные христиане всех возрастов и сословий, старец Амвросий, как истинный пастырь, никогда не подавлял свободную волю человека, позволяя каждому самостоятельно решать – послушать мудрого совета или же поступить по-своему. «Насильно никого не приведешь ко спасению», – говорил старец (вспомним для сравнения знаменитое русское «невольник – не богомольник»). «Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многими способами и вразумляет».

По молитвам старца совершались и чудеса. Так, один калужский священник, супруга которого много лет не могла забеременеть, попросил отца Амвросия помолиться о них, и вскоре после этого, по истечении положенного природой срока, матушка родила сына. Крестьянка из Тамбовской губернии по молитвам старца исцелилась от язвы желудка. А однажды в келью старца зашел монах, страдавший от зубной боли. Старец неожиданно слегка ударил его прямо в больную челюсть. Каково же было изумление монаха, когда он почувствовал, что зубная боль полностью оставила его! Не потребовалось и врачебное вмешательство, боль больше не возвращалась.

Несмотря на свою немощь, занимался старец и благотворительностью. По его благословению и при его активном участии было устроено несколько женских общин – монашеских обителей, при которых находились приюты для девочек, больницы и богадельни. Кроме того, в последние десять лет своей жизни старец окормлял им же основанную женскую обитель в Шамордине.

Более тридцати лет подвизался старец Амвросий на пастырской ниве. Последним годом его жизни стал 1891 год, большую часть которого старец провел в Шамордине, спеша окончательно обустроить обитель и находившиеся при ней благотворительные заведения. По-видимому, старец предвидел свою близкую кончину.

Здесь же, в Шамордине, старец мирно отошел ко Господу 10 октября 1891 года. На отпевание и похороны собралось несколько тысяч народу: все хотели проститься с любимым батюшкой, столько лет наставлявшим своих духовных детей на путь спасения.

Старец Амвросий был погребен в Оптиной рядом с могилами своих предшественников и духовных наставников – старцев Льва и Макария Оптинских. На надгробии его вырезали слова апостола Павла: «Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу», то есть *для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых* (1 Кор. 9, 22). Эти слова как нельзя более точно описывают жизненный путь старца Амвросия.

Преподобный Амвросий был причислен к лику святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году. Тогда же, при раскопках в Оптиной пустыни, были обретыны его честные мощи (вместе с мощами еще шести Оптинских подвижников). Ныне мощи преподобного Амвросия почивают в соборном храме Оптиной пустыни.

Будем же, отцы, братья и сестры, учиться у преподобного Амвросия любви к Богу и людям, смиренному терпению скорбей, непрестанной молитве и радости о Господе, восклицая:

«Яко к целебному источнику, притекаем к тебе, Амвросие, отче наш, ты бо на путь спасения нас верно наставляеши, молитвами от бед и напастей охраняеши, в телесных и душевных скорбех утешаеши, паче же смирению, терпению и любви научаеши; моли человеколюбца Христа и Заступницу усердную спастися душам нашим».

Богу же нашему слава во веки веков.

Аминь.

Слово в день памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев (28 июня / 11 июля)

*Когда придет конец последнему монастырю, когда прекратится
Литургия, тогда будет всему конец.
Валаамский старец Михаил (Питкевич)*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе братья и сестры!

Приладожье... Этот край на протяжении многих веков был предметом спора между славянами и скандинавами. Отправляя военные корабли в плавание по Ладожскому озеру, шведы не раз захватывали и разоряли остров Валаам. Этот остров был для них просто опорным пунктом для нашествия, а для русского народа он являлся святыней. После войн и набегов вновь и вновь возрождался из развалин древний Валаамский монастырь, но бурные века не пощадили его библиотеки: так было утрачено духовное сокровище – списки жития преподобных Сергия и Германа. Сохранилась лишь одна фраза жизнеописания, говорящая о них как о «великих и преславных чудотворцах». Даже определение века, в котором совершалось их земное житие, вызывает разногласия.

Валаам находится у черты, разделяющей народы; здесь – северный светильник Русского Православия. Некогда, по преданию, апостол Андрей Первозванный прошел по будущей Руси: знаменем креста осенил Киев, Новгород и Валаам. Преподобных Сергия и Германа позднейшая народная молва называла даже учениками святого Андрея. Что ж, в духовном смысле Валаамские чудотворцы действительно являлись «мужами апостольскими» и поныне почитаются как просветители Карелии и Олонецкого края. Однако основанный ими монастырь возник намного позднее первохристианских времен. Апостолу Андрею не довелось утвердить благовествование среди скифско-славянских племен: проходя по северным землям, он только как бы отмечал те края, где впоследствии милостью Божией возгорятся светочи благодати. Валаам был самым дальним, граничным местом в этом странствии святого апостола. Здесь он устано-

вил каменный крест; впоследствии и валаамские иноки высекали поклонные кресты из огромных каменных глыб.

Некоторые церковные историки пытались отнести житие преподобных Сергия и Германа к XIV веку. Это мнение основывается на двух новгородских записях, говорящих, что в 1329 году на Валаам пришел старец Сергий. Однако такое доказательство представляется шатким. Преподобный Герман в записях не упомянут. Что же касается старца Сергия – мало ли было подвижников с таким именем в стране, где просиял преподобный Сергий Радонежский? Вероятно, одним из них и был старец XIV века. Думать так заставляет другое известие: еще за двести лет до того честные мощи преподобных Сергия и Германа переносились в Новгород, очевидно ввиду какого-то скандинавского набега. Еще одно свидетельство: в XI веке пришел на Валаам юноша-язычник Иверик, чудесно исцеленный от паралича силою Христовой. В Валаамском монастыре он принял Святое Крещение, а затем иноческий постриг с именем Авраамия и впоследствии сделался великим просветителем Ростовской земли, сокрушившим там идола и культ «скотьего бога» Велеса. Воспитанник Валаамской обители, преподобный Авраамий Ростовский словно бы свидетельствует о времени жития ее основателей – преподобных Сергия и Германа. Таким образом, нет смысла сомневаться в достоверности устойчивого Валаамского предания: преподобные Сергий и Герман были греческими иноками, создавшими монастырь на этом острове во времена равноапостольной княгини Ольги (или, возможно, вскоре после ее кончины). Можно предположить, что, когда русская великая княгиня, приняв веру Христову в Константинополе, возвращалась на родину, с ней вместе прибыли на Русь из Византии эти два святых монаха, возгоревшиеся ревностью о просвещении северных земель.

В X веке, к которому следует отнести житие Валаамских чудотворцев, Приладожье уже не являлось духовной пустыней. Неподалеку от места впадения реки Волхов в Ладожское озеро еще в 862 году был основан знаменитый в летописях славянский город Ладога. Этот город известен как стоянка Рюрика, родоначальника русских князей. Уже в те времена существовал христианский храм в «варяжском конце» города. А к 1116 году, когда посадник Павел обносил Ладогу крепостной стеной, там уже имелось несколько храмов, причем не деревянных, а каменных. Этот город воспевался и в скандинавских сагах под названием Альдейгаборг; обладание им издревле было варяжской мечтой. Когда шведская принцесса Ингигерд (Ирина) выходила замуж за русского князя Ярослава Мудрого, она потребовала себе Ладогу в качестве свадебного подарка. Крупнейший город на севере Новгородской земли, Ладога являлась ключевым пунктом у начала «пути из варяг в греки». До ордынского завоевания Руси шведы в своих набегах не могли продвинуться на Новгородчину далее города-крепости Ладоги. Так, в летописи под 1164 годом отмечено: «Придоша Свье (шведы) под Ладугу, и подождьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде».

Впрочем, воины-скандинавы не только тревожили набегами Северную Русь; в те времена их было немало и в дружинах русских князей. Среди них многие уже были христианами. Так, первыми (и вплоть до нынешнего столетия – последними) христианскими мучениками на Руси стали жившие в Киеве варяги, святые Феодор и Иоанн. Возможно, именно вспышки языческого фанатизма в начале правления великого князя Владимира заставили преподобных Сергия и Германа покинуть южнорусские земли и отправиться на север. Это, конечно, только предположение. Столь же вероятно, что святые подвижники удалились на Ладожское озеро еще до начала гонений в Киеве, просто в поисках уединения и высоких подвигов.

Через город Ладогу по «пути из грек в варяги» шли преподобные Сергий и Герман. На попутной ладье добрались они до Валаама и решили остаться здесь. Подвижникам полюбился этот дикий и безлюдный, девственно-прекрасный остров. На пустынном Валааме, вдали от мирской суеты и смут, им ничто не мешало предаваться молитве и богомыслию. По обычаю иноков-первопроходцев они своими руками выстроили кельи, а потом построили храм Гос-

подень. Высоки были их подвиги, тяжки труды. Можно только догадываться, как терзала их лютая стужа и как соблазнял их лукавый тоской по родному краю, лазурному Средиземноморью. Но преподобные Сергей и Герман выстояли в краю, куда привел их Бог. И Всевышний благословил их деяния.

Подвижников Русского Севера так же обжигал мороз, как некогда солнечные лучи опаляли великих отшельников египетской Фиваиды. Белые заснеженные поля были под стать желтым пескам пустыни. Томительные песни вьюги будто вторили завыванию знойных ветров. Одинаково велик был труд и высока молитва тех, кто искал подвига на холодном севере и жарком юге: египетские отцы-пустынники первых веков христианства благословляли иноков северных пустынь. Валаамский монастырь, созданный преподобными Сергием и Германом, явился первенцем Русской Северной Фиваиды. Деяния Валаамских чудотворцев – то был зов, обращенный к будущим основателям обителей соловецких, вологодских, сибирских. Именно монахи первыми приходили в северные земли Руси, огнем боголюбивых сердец согревая эти края для идущих следом поселенцев.

«Дивный остров Валаам» приютил первую не только на Севере, но и на всей Руси святую обитель. Северному монастырю не выпало чести Киево-Печерской Лавры, по праву называемой колыбелью русского монашества. Северному Острову благодати выпала слава стать могучим духовным стражем на границе русского Православия.

На остров, где затеплились святые лампы, потянулись люди, ищущие высокой жизни с Богом и в Боге. Начала собираться монашеская братия. Поначалу, вероятно, большинство составляли подвижники-скандинавы. Затем, когда равноапостольный князь Владимир познал истину Православия и крестил Русь, из новопросвещенных Ростова и Новгорода начали приходить славяне. Когда на Валааме появился преподобный Авраамий Ростовский, братия обители была уже русской.

Святая вера Христова укоренилась среди недавних идолопоклонников далеко не сразу. Даже русский народ в течение трех веков изживал остатки язычества. А христианское просвещение коренных жителей Приладожья – карел, веси – началось только в XIII столетии. К несчастью, вскоре после этого Русь была обессилена Батыевым нашествием, и шведы, воспользовавшись русской бедой, захватили Приладожье.

К тому времени гордый Рим уже отделился от Православной Церкви, и Скандинавия, как и другие европейские страны, впала в папизм. Печально известны средневековые методы латинского миссионерства огнем и мечом. Подобные «миссии» иногда сопровождались геноцидом: так, в Прибалтике паписты полностью истребили славянский народ пруссов. Сходным образом действовали среди карел шведские «проповедники», пытками и казнями «обращая» язычников или «перекрещивая» успевших принять Православие. Особый размах эти зверства приобрели в XIV веке, при паписте-фанатике короле Магнусе. Однако шведская «миссия» дала результат, прямо противоположный ожидаемому. Упрямые карелы не желали признавать римского папу своим духовным главой: возвращаясь к прежним обычаям, они бежали в глухие непроходимые места и там продолжали поклоняться своим идолам. Преподанное в латинском варианте христианство вызывало к себе народную ненависть.

Но, к счастью, тогда же карелы увидели, какова истинная вера во Вселюбящего Христа Спасителя. Именно в те годы пришел на Валаам старец Сергей (второй), одноименный преподобному основателю монастыря. Очевидно, это был подвижник высокой духовной жизни, неслучайно упомянутый в летописях. Но большую, чем он, славу в Приладожье стяжал другой инок – преподобный Арсений. Это был новгородец, несколько лет подвизавшийся на Афоне. Там он получил от игумена образ Пречистой Богородицы и заповедь служить Господу на Дальнем Севере. Вернувшись на родину и утвердившись в монашеских подвигах среди братии Валаамской обители, святой Арсений решил для себя отдельное поприще. Он сел в лодку и отдался на волю ветра и волн. Буря выбросила его на остров Коневец. Это

место, использовавшееся карелами для выпаса лошадей, было обиталищем бесов. У огромного валуна, названного Конь-камнем, карелы приносили в жертву коней, пытаясь задобрить злых духов. Преподобный Арсений, помолившись, окропил Конь-камень святой водой – тотчас же из-под него вылетели демоны в образе вороньей стаи и с карканьем устремились прочь. Избавив карел от страха перед темными силами, святой Арсений кротостью и любовью привлекал их сердца к Христовой вере. Поселившись на Коневце, преподобный Арсений создал там монастырь. Так, словно свеча от свечи, затеплилась от обители Валаамской обитель Коневская, и уже два острова благодати вместе светили духовно обессиленному краю.

Продолжалась борьба между Русью и Швецией, и Приладожье переходило из рук в руки. Не раз смиренные обители на ладожских островах переживали тяжелые испытания. Особенно страшному разгрому Валаамский монастырь подвергся в 1611 году, во времена Великой смуты на Руси, когда шведы под личиной союзников вторглись в ее северные пределы. По свидетельству возглавлявшего обитель в конце XVII века архимандрита Макария, год ее опустошения недругами был предвозвещен преподобными Сергием и Германом.

В ходе Северной войны, которую вели император Петр I и императрица Елизавета, Приладожье, как казалось, было окончательно закреплено за Россией. Валаамский монастырь уцелел при гонениях, которые воздвигла на святые обители императрица Екатерина II. В XIX веке начался духовный расцвет Валаама. Этому не помешала даже военная удача Александра I, тяжело отразившаяся на православном населении края. В результате победы, одержанной в 1809 году над Швецией, в состав Российской империи вошла Финляндия. Александр I, желая всячески облагодетельствовать новых подданных, даровал Финляндии статус Великого княжества и практически полное самоуправление; более того, к Финскому княжеству был присоединен бывший до того российской губернией Приладожский край. (Несмотря на императорские привилегии, Финляндия так и осталась для империи чужеродным придатком. Впоследствии финские власти укрывали на своей территории разнообразнейших заговорщиков: и террористов-цареубийц, и анархистов, и большевиков, прятался там и «вождь революции» Ленин.) Православные жители Приладожья оказались под властью лютеранского Сената; Православие в Финском княжестве стало второстепенной религией, которую только терпели и исподтишка теснили. В сознании простых русских людей Финляндия по-прежнему оставалась заграницей, чужой землей. (Так, иеросхимонах Михаил (Питкевич), в молодости получивший от старца благословение отправиться на Валаам, поначалу не хотел идти на чужбину.) Но несмотря ни на что, светоч Валаамского Спасо-Преображенского монастыря разгорался все ярче. Сюда стремились самые мужественные ревнители благочестия, искавшие на северном острове «жестокое житие» во славу Божию. Среди тогдашних иноков бытовала поговорка: «Кто суров, тому путь в Саров, а кто совсем упрям – тому на Валаам». Здесь, среди дружной иноческой семьи, угождали Господу подвижники самых разных духовных дарований. Существует умильный рассказ о двух валаамских старцах. Один – строжайший аскет, вкушавший только хлеб и воду, ни с кем не общавшийся молчальник – поселился под сенью высоких мрачных сосен, куда никогда не проникали солнечные лучи. Другой – веселый пасечник, любитель попить чайку с медком – ходил в белой аккуратненькой ряске, привечал любых гостей, звонким тенором распевал хвалы Богородице, а для кельи своей отыскал светлое местечко среди белоствольных березок. Среди братии оба эти старца были «равне почитаемы».

Валаамская обитель явилась духовной опорой не только для православных жителей края, но и для всей России. Вслед за преподобным Серафимом Саровским и великими оптинскими старцами опытные валаамские подвижники приняли на себя труд духовного наставничества – возрождаемый на Руси спасительный для множества душ подвиг старческого окормления народа.

По числу паломников Валаам стал равен знаменитым Лаврам: Троице-Сергиевой и Киево-Печерской. У гроба преподобных Сергия и Германа совершались чудесные исцеления

телесных болезней, а рядом находились врачи душевных немощей – старцы, готовые прийти на помощь заблудшим и кающимся грешникам. Оптиная пустынь притягивала к себе срединную, старинную Россию; на Валаам стекались издерганные дети Нового времени, из имперской столицы – Петербурга-Петрограда. И все эти массы людей, ищущих утешения и совета, обретали душевный мир, вставали на путь спасения под руководством мудрых старцев.

Новое бедствие, ставшее несравненно страшнее иноземных нашествий, уже надвигалось на Русь. Богоборческое безумие грозило растоптать душу народа, истребить даже память о Святом Православии. В 1912 году отошел ко Господу валаамский затворник Онуфрий. Перед своей кончиной он предсказал безбожную революцию, убийство царя, массовые расправы над духовенством, обновленческий раскол в Русской Церкви, а для Валаама – смуты и разделения.

После большевистского переворота 1917 года в России Финляндия получила самостоятельность. Новое государство сохранило за собой все территории, подаренные Александром I Великому княжеству Финскому. Так Валаам действительно оказался за рубежом своего страдающего Отечества. Валаамская обитель избежала того разгрома, какому богоборцы подвергли Оптину пустынь. Северный монастырь получил более изощренный удар, расколовший и обескровивший его.

Вслед за правительством своей республики Финская епархия отошла от России и перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Был принят и введенный в Константинополе григорианский календарь. Этот «арифметический» соблазн вызвал раскол среди братии Валаамского монастыря, разделившейся на новостильников и старостильников.

Никакой календарный стиль, никакой способ отсчета дат никогда не был, да и не мог быть, догматом Церкви, то есть входить в число основ спасительного Христова учения. Единственное догматическое указание, связанное с определением праздничной даты, – это 7-е правило Святых Апостол, под угрозой извержения священнослужителей из сана запрещающее «праздновать святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия, с иудеями». Это действительно относится к вероучению: христиане не должны были иметь общего праздника с распинателями Христа Господа. Но при условии соблюдения этого правила Поместная Церковь может пользоваться тем или иным светским календарем – это не догмат и не канон, а просто церковный обычай.

На протяжении многих веков Церковь Христова пользовалась календарем юлианским, установленным еще до Рождества Спасителя язычником Юлием Цезарем, и не испытывала от этого никаких неудобств. В 1582 году римский папа Григорий волевым решением возвел в догмат собственный, григорианский календарь; на новый стиль перешло большинство стран Европы. В Новейшее время Константинопольский Патриархат, пытаясь найти взаимопонимание с римо-католиками, также принял григорианский стиль. Это вопрос внутренней жизни Константинопольской Церкви, не препятствующий общению с ней других Поместных Церквей. В пользу григорианского календаря говорит только одно явление: чудо Благодатного огня на Гробе Господнем в Иерусалиме совершается на Пасху, исчисленную по старому стилю. Но даже не в этом знамении Всевышнего главный довод против календарных нововведений.

Хранительница апостольских заветов, Православная Церковь Христова недаром относится с осторожностью к любым новшествам, пусть даже касающимся не вероучения, а обряда или обычая. В церковной жизни необходимо проявлять мудрость и избегать всего, в чем может таиться соблазн для *малых сих*. Общеизвестно, каким страшным расколом отозвалась в Русской Церкви реформа, которую царь Алексей Михайлович в XVII веке проводил репрессивными методами, а ведь речь шла не о канонах и догматах, а об обрядовой традиции. Точно так же принятие Константинополем григорианского календаря вызвало раскол в Элладской Церкви начиная с 1924 года и поныне. Против того же новшества восстала часть валаамских иноков, отказавшись праздновать Пасху по новому стилю со словами: «Хоть живыми нас в землю закопайте – не отступим!»

Можно понять валаамских старостильников – слишком свежа была рана от разрыва с родной Россией, слишком дорого было все, что относилось к старорусскому благочестию. Подвижники-монахи привыкли строго следовать уставам церковным, и изменение календаря они связали с изменой вере. Устав стал их жизнью: когда идет ломка живых традиций, очень трудно различить главное и второстепенное.

Если старостильников можно было упрекнуть в непослушании епархиальному начальству, то на их противников падает укор в немилосердии, даже в жестокости. Отнюдь не в духе примирения, терпения и братской любви совершался перевод Валаама на григорианский календарь. Лютеранские власти Финляндии (вероятно, не без затаенной усмешки) крутыми административными методами решили спор между православными монахами в пользу новостильников. Несколько иноков были посажены в Выборгскую тюрьму. Иеромонах Поликарп, обратившийся с жалобой в газету, был за это выслан в СССР на верную смерть в большевистских лагерях. Многие приверженцы старого стиля были изгнаны с Валаама. «В глухую ненастную осень 1926 года были вывезены из Валаамского монастыря с помощью полиции 30 иноков, проживших до того в обители по двадцать и даже по тридцать лет. Среди них были старцы, убежденные сединами, и иеромонахи с наперсными крестами. И за что так жестоко с ними поступили? Не за какие-либо греховные проступки, а лишь за то, что они отказались принять новый стиль и новую Пасхалию», – пишет очевидец, иеромонах Никандр. Оставшихся старостильников отправляли в самые суровые дальние скиты. В такой ссылке вскоре умер от разрыва сердца духовник обители иеросхимонах Михаил-первый (до схимы Маркиан). Перед кончиной этот старец написал стихи, исполненные надежды, звавшие к примирению:

Свой век доживают монахи седые,
В тиши проводя монашеский путь...
Хранят они в душах стремленья святые,
Всё нудятся к Богу сердцами прильнуть.
Хотя стиль отнял в них бывшее согласие,
Раскол внес церковный в незлобных умах,
Но верят они, что придет снова счастье —
И даст единенье Господь в их сердцах.

Бессмысленность пагубного для обители разделения проявилась в 1940 году, когда после победы СССР в Финской войне Валаамский монастырь снова перешел к Русской Церкви, и тот же игумен и другие возглавители обители, которые гнали старостильников, без колебаний сами возвратились к старому стилю.

Вот и в наши дни ведутся разговоры о том, что Русской Церкви надо бы принять григорианский календарь. Ссылаются на пример «цивилизованной» Европы, на удобство соответствия церковного календаря гражданскому, на то, что многие Православные Церкви уже перешли на новый стиль, на диалог с римо-католиками... Что касается последних, такие римские нововведения, как «исхождение Духа от Сына», «догмат папской непогрешимости», чистилище, с православной точки зрения расцениваются однозначно – как отступление от истины и ересь. Пока латиняне не приведут свои верования в соответствие с верой апостольской, никакие календари не помогут их сближению с Православием. Не слишком ли дорогой платой будет смута в Православной Церкви – множество бессмертных человеческих душ, отравленных расколом за эти весьма сомнительные выгоды? У нас перед глазами грозные примеры старообрядчества, а в Новые времена – Эллады и Валаама. И сейчас наверняка найдется немало ревнителей старого стиля, готовых умереть за единую букву аз юлианского календаря. Так нужны ли новшества, чреватые душепагубным соблазном?

Во время Второй мировой войны валаамскими иноками во Внутренней Финляндии была создана обитель, получившая название «Новый Валаам». А сам благодатный остров на Ладожском озере в послевоенные годы был обмирщен: на нем организовали колхоз, а в братских корпусах монастыря разместили дом инвалидов. Все это в духе еще до-большевистских антицерковных реформ царя Петра I и императрицы Екатерины II, превращавших святые обители в богадельни и дома для умалишенных. Хорошо еще, что миновали времена массового красного террора и на Валааме не было тюрем и лагерей, зато туда высылали отсидевших свои сроки уголовников-рецидивистов.

Насельник «Нового Валаама», старец схиигумен Иоанн, сетовал: «Наша монастырская жизнь помаленьку еще теплится, много старичков ходит с помощью палочек, вновь поступающих нет, так как в данное время молодежь воспитывается не в религиозном духе. Впрочем, судьбы Господни непостижимы нам, грешным. Буди, Господи, воля Твоя во всем». Всещедрый Бог, паче чаяния, явил Свою милость и финляндскому Ново-Валаамскому монастырю, куда пришло новое поколение иноков, а затем – и к древней прославленной обители на острове Валаам.

В 1950-е годы наконец наладилось общение Русской и Финляндской Православных Церквей. Группа валаамских монахов воспользовалась этим, чтобы вернуться на родину. Последний валаамский старец, иеросхимонах Михаил (Питкевич), говорил: «В России сейчас сияет истинное Православие, как солнце, – это земля полита кровью мучеников, это земля исповедников». Вместе со старцем Михаилом в многострадальное Отечество вернулись еще шесть его сподвижников – по свидетельству очевидца, «это были лучшие отцы Валаама». Иеросхимонах Михаил окончил земное служение в Псково-Печерском монастыре. Из своего многотрудного жития последний старец Валаама вынес убеждение: «Кого Господь любит, того и скорбями наделяет – к будущей жизни готовится».

В 1989 году полуразрушенные монастырские здания были возвращены Русской Православной Церкви. Началось восстановление обители. Иноки нового поколения – сыновья русского народа, душу которого не сумели убить семьдесят лет богоборческого ига. Они пришли на развалины, чтобы Валаам вновь стал местом благодатной молитвы.

Валаамский монастырь освящен в честь Преображения Спасителя нашего Иисуса Христа. Итак, возгорелся вновь с прежней силой этот пламенный благодати и стал способным преобразовать своим светом множество душ, явился духовным оплотом возрождающейся Руси.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Так мало знаем мы о житии преподобных Сергия и Германа! Эти смиренные угодники Божии скрыли свой духовный путь от мира. Но поколения благочестивых русских людей чувствовали их духовную близость – живое присутствие Валаамских чудотворцев. Словно веяние из Небесного Царства – их нескончаемые чудеса. Они рядом с нами – добрые врачи верующих, целители *душ и телес* наших, защитники Православного Отечества.

Насельники неба, преподобные Сергей и Герман уже более тысячелетия продолжают свое житие на земле, в истории созданного ими Валаамского острова благодати, вновь и вновь торжествующего над войнами и смутами, побеждающего темные силы и просветляющего сердца спасительной Христовой верой.

Сокрыты от нас подвиги Валаамских чудотворцев, но явны великие благотворные следствия, которые проистекли из их богоугодного жития. Таков их урок всем нам: не заботиться о мирской известности и славе, жить не напоказ, а для единого Господа Всевидающего, угождая Ему трудами благочестия. Из сокровенного, чуждого тщеславию делания милостью Божией произрастает щедрый урожай благодати, спасительный и для самого делателя, и для множества душ человеческих. Будем же подвизаться не в угодничестве миру с его соблазнами, а в служении Спасителю своему, памятуя слова старца схиигумена Иоанна Валаамского: «На смертном

одре – вот тогда-то придется испытать неожиданные явления, тогда человек познает, что мир сей – обманщик. Не знай мирской суеты, наполненной лукавством, тщеславием, лицемерием, ложью и гордыней: с этими пороками разве когда почувствуешь в душе своей умиление и благодать?»

Припадем же с теплыми молитвами к преподобным отцам Сергию и Герману, их предстательством да обретем благодатную помощь для богоугодной жизни, чтобы не постыдиться нам, когда *приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога* (1 Кор. 4, 5), ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков.

Аминь.

Слово на Собор славных и всехвальных двенадцати апостолов (30 июня / 13 июля)

*Тому не радуйтесь, что души вам повинуются, порадитесь тому,
что имена ваши написаны на небесах.*

Лк. 10, 20

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Удивительны деяния, но еще более изумительно внутреннее совершенство апостолов Христовых. Эти двенадцать были лучшими людьми своего времени. Во всем мире не было равных им по чистоте сердца и красоте души, по мужеству и сокровенной силе разума. А мир презирал их, считая за ничто, – ведь кто были они? Простолюдины, рыбаки, мытари. Но словно алмазы из грязной почвы, извлек их Сердцеведец Господь из галилейской глуши и призвал на великое апостольское служение.

Какие разные они, эти избранные Христа Спасителя. Даже братья по крови – и те будто бы противоположны друг другу. Сыновья Ионины: пылкий Петр, и неторопливый, спокойный Андрей. Братья Зеведеевы: неустрашимый могучий Господень воин Иаков – и нежнейший, любвеобильнейший Иоанн. Дети Алфея: цепкий, напряженно впитывающий Христово учение евангелист Матфей – и «второй» Иаков, скромник и смиренник. А остальные: что, казалось бы, общего между ними? Неугомонный и стремительный, с Самим Божественным Учителем державший спорить Филипп – и тихий мечтатель Варфоломей. До капризности упрямый, дотошный Фома – и готовый, подобно молнии, исполнить любую Божию волю Симон Зилот. Омытый покаянными слезами, светящийся сердечной теплотой Фаддей, видевший еще Богомладенца Христа, – и новичок среди апостолов Матфий, умудренный ветхозаветным знанием воспитанник праведного Симеона Богоприимца, заменивший Иуду Искарота. Какое многоцветие характеров, разнообразие темпераментов, несхожесть душевных укладов и их проявлений! В каждом – собственный, особый мир. Словно все личностные начала, встречающиеся в человечестве, объединились и радужным сиянием окружили Христа Искупителя. В Нем апостолы

стали едины при всей своей непохожести, кажущейся противоположности и несовместимости. Нет, не противоборствовали, а дополняли друг друга эти великие духом люди. Божественный Учитель создал из учеников чудесную семью, не было никого роднее и ближе между собою, чем они. Апостольский круг – это словно одно сердце и одна душа, единые уста, славящие Господа и дышащие Божественной любовью. То было невиданное дотоле духовное братство, где никто не искал преимуществ и выгод, но каждый стремился служить остальным и жизнь готов был отдать за другого. Любовь Спасителя переполняла души Его учеников и щедрыми благодатными реками изливалась в окружающий мир, *на всех и вся*. Таково единство апостолов – родоначальников величайшей духовной семьи, Церкви Христовой.

Восхваляя святых апостолов, преподобный Максим Грек говорит: «Это – непрелестные облака, наполненные благодатным дождем, которые виноградник Возлюбленного Спасителя постоянно орошают боготочными каплями. Землю, через злобу ее жителей превратившуюся в солончак, Бог Слово деяниями сих премудрых делателей явил сладко веселящую своего Владыку. Изящно украшенные блистаниями Божественных учений и молниями чудес, они огласили всю вселенную громовою проповедью Богословия, превышающего всякий ум и всякое слово. Сладчайшим светом они прогнали мрак басен, изобретенный лживыми бесами; Триси- ятельного же Единого Богоначалия честною истиной озарили мысли верных. Народы, прежде злочестивые и враждебные своему общему Царю, они наполнили Божественной любовью и повергли к Его пречистым ногам, заставив с радостью принять иго Его животворных заповедей».

Подвиг апостолов кажется невероятным, превышающим человеческие силы. Благовестники обошли все известные в те времена страны, побывали всюду, куда достигала гигантская Римская империя, и даже далеко за ее пределы. Караванные тропы вели их по Африке, Азии, Европе, с Британских островов – в джунгли Индии, из солнечной Испании – в заснеженную Скифию. Они переплывали реки, бороздили моря, восходили на горы.

И каков был тот мир, по которому шествовали «красные ноги» апостолов? Едва удерживаемый римскими властями в рамках хотя бы внешнего порядка, повсюду царствовал один закон – право силы. Везде стонали слабые и торжествовала злая воля падшего мира, изощрявшегося в разврате и мучительствах, грабежах и убийствах. Повсюду колдуны-жрецы сзывали свирепых демонов и вершили диавольские действия, и над идольскими капищами вился зловонный дым жертвенных курений. Кровь не только животных и птиц, но нередко и человеческая лилась на алтарях ваалов, астрат, молохов и прочей нечисти. Ничто не ценилось так дешево, как человеческая жизнь. Человек человеку волк – вот страшный «символ веры» языческой древности. Весь хваленый гуманизм Новых времен – это лишь следствие частичного преобразования людей и обществ христианством (хотя многие духовные слепцы и не желают признавать эту очевидность). Нам, живущим в искупленном Кровью Спасителя мире, трудно себе представить то подобие ада, который во времена язычества устроил на земле сатана руками своих служителей.

По этому мрачному преддверию геенны, среди бесовской ярости, людской дикости и жестокости, коварства богоубийц-иудеев проходили апостолы с вестью о Божественной любви. Бесчисленные опасности подстерегали их на каждом шагу, а они не имели оружия, чтобы защититься, ни денег, чтобы откупиться. Только слово на их устах, слово Истины Божией, было их единственной защитой, непобедимой победой над вселенской злобой. Они переносили надругательства, пытки огнем и железом, кипящим маслом и расплавленным оловом. С них заживо сдирали кожу, их побивали камнями и распинали на крестах. А святые апостолы не только выносили невыносимые, нечеловеческие страдания, но встречали все муки и саму смерть с радостной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.